

Священник
Александр
Дьяченко

Искусство малых шагов

Рассказы
и хроники
из жизни
священника

*Светлая
проза*

«Рассказы о. Александра Дьяченко написаны с любовью к людям. Теплом этой любви почти физически обдаёт читателя и не оставляет его без надежды».

Олеся Николаева

Светлая проза

Александр Дьяченко

**Искусство малых шагов. Рассказы
и хроники из жизни священника**

«Никея»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84+86.372

Дьяченко А.

Искусство малых шагов. Рассказы и хроники из жизни священника
/ А. Дьяченко — «Никея», 2023 — (Светлая проза)

ISBN 978-5-907628-68-7

«Искусство малых шагов» – новый сборник отца Александра Дьяченко. Автор делится с читателем радостными и трагическими историями из жизни прихожан храма во Владимирской области, где он служит вот уже более двадцати лет. Такие разные по темам, сюжету, характерам героев, истории эти объединены одной важной чертой, характерной для всех текстов этого автора, – они совершенно и безоговорочно достоверны. Никакая фантазия художника не может придумать тех, порой фантастических, поворотов людских судеб, парадоксов и совпадений, которыми так богат пасторский опыт отца Александра, тонко и точно чувствующего и «слышащего» жизнь, а в ней – волю Творца.

УДК 821.161.1

ББК 84+86.372

ISBN 978-5-907628-68-7

© Дьяченко А., 2023

© Никея, 2023

Содержание

Вместо предисловия	6
Обретшие рай	8
Пчелка	8
Оправдание Вероники	13
Йоханссон	20
Старик	24
Мечтатели	28
Потерявшие рай	32
Странник	32
Когда-нибудь я стану кошкой	38
Один день из жизни «немолодого» человека	43
Дискотека 80-х	47
Иудин грех	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Священник Александр Дьяченко Искусство малых шагов. Рассказы и хроники из жизни священника

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р22-213-0294*

НИКЕЯ

© Брагар А.И., 2022

© ООО ТД «Никея», 2022

Вместо предисловия

Отзывы читателей о книгах автора

Отец Александр Дьяченко пишет всегда с такой любовью и добротой к людям, читать приятно, словно пообщался с хорошим другом. Какую бы книгу ни взяла – все одинаково хороши. После прочтения остается доброе послевкусие.

Инна Иванова

Многие утверждают, что жизнь – штука сложная и тяжелая. Трудно с этим спорить. В жизни порой всё очень безрадостно и мрачно. Несмотря на это, священник Александр Дьяченко умеет видеть в трудных, порой запутанных, ситуациях лучики света и надежды. Его проза легкая, как дыхание весны. Удивительные, добрые рассказы о прихожанах храма, в котором служит батюшка, пронизаны юмором и любовью к людям. Берешь в руки книгу, начинаешь читать, и постепенно уходят все печали и тревоги. Ты понимаешь, что всё непременно будет хорошо. Иначе и быть не может.

Марина Алексеева

Чтение напомнило мне «Несвятые Святые» – яркие люди, интересные истории и размышления. И во всем этом какая-то удивительная любовь, сочувствие автора к своим героям.

Сергей Гаврилов

Симпатичны зарисовки о. Александра своей откровенностью, готовностью посмеяться над собой, умением признать неудачу (такое случается нередко), отсутствием морализаторства и нравоучений. Это просто хорошая литература, про людей, какие они есть, про веру и неверие, про чудеса и неготовность признать и принять их. Наверное, поэтому такие книги и переиздают.

SPL

Светлые проникновенные добрые рассказы! Когда я читаю книги Александра Дьяченко, в моей душе наступает покой и умиротворение. Из всех прочитанных мною духовных книг в таком восторге я только от книг этого автора. Рекомендую всем!

Якорхина Нина

После прочтения этого автора я понял, что мне с ним серьезно по пути. Уж очень отзываются мысли и отношение к жизни, готовность, желание и способность видеть дальше границ обряда и суеверных догм, которые зачастую к христианству не имеют никакого отношения. Чтение этих книг стало для меня возможностью разговора на важные, трогательные и сложные темы. Разговора, от которого не хочется отказываться...

P.S. Каково же было мое удивление, когда в какой-то момент, сидя на кухне и читая книгу, я понял, что автор ее – настоятель того самого храма с. Ивановское, в который мы заходили буквально месяц назад, осматривая культурные достопримечательности Владимирской области! Вот так вот, я был

совсем рядом с человеком, книги которого стали важной частью моей жизни,
и не узнал его!

VladAS

Обретшие рай

*Господи, я прошу не о чудесах
и не о миражах, а о силе каждого дня.
Научи меня искусству маленьких шагов.
Из Молитвы Антуана де Сент-Экзюпери*

Пчелка

– Я любила своего мужа, – признается Регина, наша прихожанка; в крещении она Маргарита.

Мы с Региной знаем друг друга уже много-много лет, а познакомились еще до моего прихода в церковь. Она же воспитывалась в вере с самого детства.

– Вместе с мужем мы растили двух сыновей. Когда младшему исполнилось три года и он пошел в детский сад, я решила, что пора и мне возвращаться на работу, благо, место за мной сохранялось.

Со всеми обо всем договорилась, завтра мой первый после декрета рабочий день, и вдруг я понимаю, что снова беременна. Как же это было не вовремя. Представила: снова ходить с животом – я тяжело переносила беременность, частые интоксикации, потом рожать. Младенец требует к себе постоянного внимания, а у меня еще двое малышей, старший из которых только должен был пойти в первый класс. Муж постоянно на работе. Родители далеко. Мама и так от нас два года практически не выбиралась. Отец всё это время жил один, вида не показывал, но я понимала, что и ему надоело его вынужденное одиночество. Как они отнесутся к появлению на свет очередного внука или внучки? Да понятно, как. Все будут недовольны.

Решила посоветоваться со своей лучшей подругой Анной, та работала медсестрой у нас в поликлинике. «Аня, проблема, что делать? Ума не приложу». – «Нашла о чем беспокоиться! Тоже мне проблема. Я с Михаилом Васильевичем, нашим гинекологом, поговорю, и решим мы твою проблему».

Уже через несколько дней я входила в женскую палату хирургического отделения. Мне предстояло переночевать, а утром отправиться на аборт.

«Михаил Васильевич меня как специалиста уважает, – откровенничала словоохотливая Анна. – Собирался в отгулы. Друзья к нему должны были приехать. Рыбалка там, шашлыки. А я за тебя попросила, сказала, срочно надо, на работу человеку выходить. И так двое мальчишек на шее. Мол, войдите в положение. Что ты думаешь, доктор сразу созвонился с друзьями и по моей просьбе перенес дни отгулов. Так что учти, подруга, операцию тебе делаем по моей протекции», – улыбнулась Анечка.

На аборт я решилась, а у самой на душе муторно. У меня же все предки верующие, в церковь ходили. Иконы на кухне висят, еще от бабушки достались. Иногда встану вот так вечером, перекрещусь на них и что-нибудь попрошу. Молитв я особо не знала, но «Отче наш...» и «Богородице Дево, радуйся...» помнила с самого детства. И тот факт, что аборт – это грех, понимала отчетливо. Потому и душа у меня болела. Если бы не обстоятельства, ни за что бы не согласилась.

Накануне операции уже поздно вечером наконец уснула и вижу сон. Будто идем мы по берегу вдоль реки с маленькой девочкой лет шести, может, чуть больше. Она держит меня за руку. Иногда поднимает головку вверх и смотрит мне в глаза. Будто ждет от меня чего-то. Потом опускает глазки вниз, и мы идем дальше.

Наконец дошли мы с ней до какого-то места на берегу и остановились. Девочка отпустила мою руку. Снова молча посмотрела мне в глаза. Потом повернулась лицом к реке и пошла ножками прямо по воде, будто она совсем ничего не весит. Перешла на тот берег. Встала и смотрит на меня. Вижу машет рукой и что-то такое мне говорит, но я никак не разберу. Но понимаю, что говорит она это с любовью.

Проснулась в слезах. Сердце колотится. Девочка будет. Не пойду на аборт. Встала, оделась и принялась собирать сумку. Уже уходит, но не успела. В палату, будто предчувствуя, что я попытаюсь сбежать, проскользнула моя Анечка: «Ты что это удумала?! Сбежать хочешь? Михаил Васильевич уже приехал и ждет. Он ради тебя от шашлыков отказался. Навстречу тебе пошел, а ты такого человека подводишь! Меня подводишь! Даже и не думай. Марш за мной».

Схватила меня за руку и тащит. И я точно загипнотизированная покорно поплелась за ней в кабинет гинеколога.

Не родилась моя девочка. До сих пор вспоминаю ее темненькие волосики, собранные сзади в хвостик, и голубые глазки. Успокаивала себя, мол, у меня двое мальчиков. Придет время, вырастут, женятся. Внуков мне нарожают и обязательно внуку. Очень надеялась.

В четырнадцать лет от роду заболел мой младший сыночек. Заболел тяжело и, проболев год, умер. Его смерть и похороны вспоминаются, как будто всё это происходило во сне и не со мной.

Старший – тот уже учился в институте на первом курсе – отправился с приятелями на вечеринку и пропал. Никто из ребят не мог вспомнить, в какой момент это случилось и куда он подевался. Это известие я приняла почему-то на удивление спокойно. Уже не мальчик, человек взрослый, в глупостях особо не замечен. Ладно, ночь погуляет, а утром вернется домой. А утром его тело обнаружили в двадцати километрах от дома. Я была на работе. Мне позвонили из милиции и пригласили на опознание. Дело уголовное завели, но убийц не нашли. Остались мы с мужем вдвоем. А теперь я доживаю век уже одна и всё думаю о своей неродившейся девочке.

На днях встречаю Анну и говорю ей: «Ты виновата! Если бы ты не остановила меня в то злополучное утро, жила бы я сейчас со своей дочечкой в окружении собственных внуков. А ты: „Михаил Васильевич отгул перенес! Михаил Васильевич от шашлыков отказался!“»

Анна меня слушает, а чувствую, что сама она на грани, вот-вот заплачет: «Что же ты мне душу рвешь, а, Регина? Дура ты, хоть в крещении и Маргарита. Зачем ты меня тогда послушалась? Зачем?! У тебя что, собственных мозгов нет? Бегом за мною бежала. Шашлыки. Да пропади они пропадом, эти шашлыки! А Михаилу Васильевичу пойду и скажу, что всё, в абортах я больше не участвую».

С того нашего разговора с Региной прошло несколько лет. После литургии выхожу из алтаря и слышу:

– Батюшка, простите, что отвлекаю, – вежливо, но настойчиво обращается ко мне взрослый мужчина, на вид лет шестидесяти, – я бы хотел принять крещение. Как это можно реально сделать?

– Хотите креститься? Очень хорошо, а как ваше святое имя?

– Вы имеете в виду, как меня зовут? Понятно. Меня зовут Михаил Васильевич, я врач-гинеколог с тридцатилетним стажем.

Нужно сказать, что Михаила Васильевича я знал уже много лет, но знаком с ним не был, встречаясь, мы не здоровались. Среди врачей людей, верующих в Бога, очень мало. Потому сам факт, что врач решает креститься, для меня факт выдающийся. Тем более, если об этом говорит человек, чье желание присоединиться к церкви подразумевает кардинальный пересмотр его прежних нравственных установок. Хочешь ты этого или нет, но возникает вопрос, что же такое случилось с этим уже пожилым доктором, что заставило его столь принципиально пересмотреть собственные взгляды?

– Михаил Васильевич, можно поинтересоваться, почему вы решили креститься? Возраст у вас уже почтенный, а вы вот только сейчас озаботились этой проблемой.

– Всю свою жизнь я работаю гинекологом. Работа у меня, как у любого врача, нелегкая. Но множество плюсов от моей положительной деятельности перечеркнуто тем, что мы у себя в больнице проводили искусственное прерывание беременности, то есть все эти годы я делал аборты. И только теперь я осознал, что аборт есть не что иное, как разрешенное убийство. К этому выводу я шел многие годы и рад тому, что в конце концов эта мысль привела меня в храм.

– Это возраст, Михаил Васильевич? Накопленная мудрость? Или какое-то событие в вашей жизни заставило вас так думать?

– Скорее, всё вместе. Понятно, что жизненный опыт рано или поздно ставит перед человеком вопрос о смысле прожитой жизни. Но порой случаются события, значимые и одновременно не объяснимые никакой человеческой логикой. Они берут и разворачивают поток твоих мыслей совсем в иное русло.

Всю свою жизнь помогал женщинам стать счастливыми мамами. А параллельно с этим убивал детей, считая, что так можно, если эти дети не нужны даже собственным несостоявшимся родителям. И думал так до тех пор, пока уже моя единственная дочка не вышла замуж.

Вспоминалась свадьба, веселое застолье и пожелания молодым поскорее стать родителями, а нам с женой, соответственно, счастливыми бабушкой и дедушкой. Я радовался в предвкушении этого события, но время шло, а дочка не беременела. Думали, может, молодые хотят, как это часто бывает, сперва пожить для себя, а потом уже и дитя рожать. Разговариваю с дочерью. Признается: «Папа, мы хотим, но не получается».

Тогда мне пришлось, что говорится, брать инициативу в собственные руки. Начали мы с ними ездить по медицинским светилам. Все-таки, когда столько лет в специальности, невольно обрастаешь знакомствами. К одному съездили показались, к другому. Пять лет ездили. Ничего не выездили. У нее и у него всё в норме. Показатели во всех отношениях – хоть в космос посылай, а дите не приходит.

Поменяли они место жительства, уехали от нас в Питер. Думаем, ну пускай. Может, им самостоятельности не хватает. Год они живут на новом месте. Следующий. Ничего не получается.

Однажды звонит мне дочка и сообщает, что собираются они с мужем к нам в гости. Мы с матерью обрадовались. Они приезжают. Смотрю, а у дочери вот здесь на цепочке висит маленький золотой крестик. Раньше она крестик никогда не носила, а теперь надела. Подумал – бедная девочка, совсем отчаялась, раз в церковь пошла. Ведь церковь – это что? Это только тогда, когда совсем опускаются руки. Смотрю – нет, глаза веселые безо всякой грусти. Сообщают: «Завтра мы планируем вдвоем отправиться в Москву к мощам блаженной Матроны. Будем просить о нашей проблеме. А послезавтра, уже с друзьями, едем несколькими машинами на Гремячий ключ к источнику преподобного Сергия Радонежского». – «А это зачем?» – «Как зачем? Будем окунаться в святой источник и все вместе молиться о нашем ребеночке. Раз земные врачи нам не помогают, будем обращаться к врачам небесным. Кстати, если хотите, присоединяйтесь с мамой к нашей компании».

Мы с женой подумали и решили не отказываться. Приезжаем на этот самый Гремячий ключ, а проехать там по дороге к источнику можно лишь до определенного места. Потом бросаешь машину и идешь пешком. Идем, пылища – ужас. Почва вокруг исключительно глина, сплошь изрытая глубокими колеями от автомобильных колес. Чуть дождь – и вообще не проехать.

Молодежь смеется. Я тоже иду, улыбаюсь, а у самого на душе кошки скребут. Бедный мой ребенок.

Наконец добрались до источника. Народу вокруг полным-полно. Все, кто подходят, раздеваются и с головой окунаются в воду. Я ее рукой попробовал, ледяная. Смотрю, мои спут-

ники раздеваются и один за другим становятся в очередь. А потом – в купальню. В воде визжат от холода, крестятся и с головой туда же.

Потом все в полотенцах сбились в кучку, стоят, обтираются и смеются. Благо лето и на улице температура под тридцать. Думаю, сейчас обсохнут, переоденутся, может, это безумие обойдется без видимых последствий. Размышляю так и вижу – летит пчела. Медленно так летит, зависла рядом с молодыми людьми и будто прислушивается, о чем они между собой смеются. Их всех вместе с друзьями было восемь человек.

Затем, представляете, батюшка, пчела подлетает конкретно к моей дочери и садится ей на лицо возле самого рта. Та растерялась, не зная, что делать. И все растерялись, а пчела берет и жалит ее прямо в нижнюю губу. Тут же аллергическая реакция, губа отвисла до подбородка, кошмар, короче.

Возвращаясь, вел машину в преотвратительном настроении. Жалел свою дочь и на чем свет ругал все эти зловредные глупости с чудотворными источниками, святыми иконами и церковь с попами, которые разумных людей норовят превратить в идиотов. Короче, пока ехали, всем досталось.

В эту ночь после купания в источнике моя дочь понесла. Дитя отозвалось.

Это я потом высчитал. И сколько бы раз ни пересчитывал, все мои вычисления неизменно возвращались к той самой пчеле. Я хотел ошибиться, но гинекологу с более чем тридцатилетним стажем себя самого обмануть не получилось. В положенное время родилась наша внучка. Для нас с бабушкой это самый замечательный на свете ребенок. А спустя неделю заходит в кабинет Анна, это медсестра, моя многолетняя помощница, а на самой лица нет. И заявляет, что больше не будет участвовать в операциях по искусственному прерыванию беременности, то есть делать вместе со мной аборт. И обосновывает тем, что уверовала в Бога. Несколько дней я размышлял над ее словами, тем более после всех этих событий, и твердо решил, что всё, больше я не убью ни одного ребенка.

Главврач всё удивлялся, как это: я – и вдруг поверил в Бога. Он мне так и сказал: «Где ты и где Бог?! Ты всю жизнь был ярым атеистом. Как случилось, что ты поверил?» – «А я не поверил, я убедился, что Он есть». – «Что ж, тогда отправляйся к попу и скажи ему, чтобы он тебя покрестил».

– Чтобы покрестил... – в задумчивости повторил Михаил Васильевич слова главного врача. – Увы, не всё так просто. Крещение еще надо заслужить. Батюшка, шесть лет я собирался с духом. Считал, что после всего, что я как врач натворил, просто недостойн креститься. Несколько раз порывался, а сегодня наконец-то дошел.

Несколько дней спустя я крестил Михаила Васильевича и с тех пор иногда вижу его на службах у нас в храме.

– Батюшка, нужна ваша помощь.

Это снова наша Регина.

– Анна, моя подруга, я вам о ней рассказывала, давно уже, лет пять или шесть тому назад. Так вот, болеет она очень и хочет покаяться.

Год уже как не ходит и практически не встает с постели. Молодые ей внука подкинули, нужно им было куда-то по делам. Мальчонка шустрый, бабка за ним не уследила. Где-то набедокурил. Анна резко к нему повернулась, и что-то у нее там в позвоночнике щелкнуло. Ее уже и в область и даже в Москву возили. Всё думают, как операцию делать. Через месяц обещают выделить квоту и будут восстанавливать.

Анна батюшку перед операцией пригласить хочет. Покаяться хочет и причаститься. Она еще до своей болезни в храм начала ходить. Не к нам, в монастырь ездила. Бывало, и причащалась, а об убитых детках не каялась. Не могла через себя переступить, боялась, священник ее за это из храма выгонит.

Мы договорились с Региной, что я приду к Анне через неделю. Но той потребовалось ехать сдавать дополнительные анализы, так что встретились мы с ней всего за несколько дней до ее госпитализации.

Несмотря на болезнь, Анна выглядела бодро и была полна оптимизма. Она уже видела себя в больничной палате и готовилась к предстоящей операции. Анализы настраивали на благополучный исход. Анна настолько была уверена, что всё у нее будет хорошо, что уже всю строила планы на предстоящее лето.

Наконец она смогла покаяться в самом страшном грехе своей жизни. Искренне и со слезами. Я соборовал ее и причастил. А неделю спустя мне позвонил ее сын и сообщил, что Анна умерла.

– Еще вечером она прекрасно себя чувствовала. На следующий день мы собирались ехать в Москву, лечиться в специализированную клинику. Утром сиделка заходит к ней в комнату, а она лежит мертвая.

Анну я отпевал в храме. Регина и Михаил Васильевич во время отпевания стояли рядом.

В этом году на Антипасху смотрю – Михаил Васильевич ведет на причастие девочку. Я догадался, что это и есть его внучка. Потом они подходят к кресту, и Михаил Васильевич просит:

– Благословите нас, отец Александр, в этом году мы поступаем в первый класс.

Я благословляю ребенка и спрашиваю ее:

– Что дедушка говорит, на кого ты больше похожа, на папу или на маму?

Девочка смущается:

– Дедушка шутит, что не на папу и не на маму. Но больше всего я похожа на пчелку! Он меня так и называет – «моя пчелка».

Мы с ним переглянулись. Прощаемся. Дедушка с внучкой направляются на выход, зато подлетает взволнованная Регина:

– Батюшка, это что, внучка Михаила Васильевича?!

– Да, его красавица.

– Отец Александр, это она! – громко шепчет мне Регина. – Та самая девочка из моего сна, того самого, перед абортom! Темные волосики, собранные сзади в хвостик, и голубые глазки. Я эти глазки ни с какими другими не спутаю! У меня сердце колотится, выскочит сейчас! Что мне делать, батюшка?!

– Не знаешь, что делать? Беги за ней и, как тогда в твоём сне, возьми ее за руку!

Регина поспешила вслед за выходящим из храма Михаилом Васильевичем с внучкой, и вскоре я уже видел в окно всех их троих. Михаил Васильевич, активно жестикулируя, о чем-то рассказывал, а в это время Регина и девочка, взявшись за руки, шли по пыльной деревенской дороге и, никого не замечая, смотрели друг другу в глаза.

Оправдание Вероники

Этот рассказ я бы хотел начать с истории, которую рассказал мне Алексей, знакомый врач из Москвы. Мы познакомились у него на даче, куда я приехал причастить его, умирающего от рака. Молодой еще, сорокалетний мужчина поразил меня глубиной исповеди, смирением и способностью во всем полагаться на волю Божию. Через месяц я снова приезжал его причащать, а потом увидел на службе, пусть и с палочкой в руках, но твердо стоящим на каменных плитах нашего храма. Алексей, преодолев болезнь, приступил к работе в клинике и периодически стал появляться у нас на службах. Со временем я узнал, что Алексей происходит из семьи коренных москвичей и что его мама еще девочкой была знакома с будущим владыкой Филаретом, митрополитом Минским, Патриаршим экзархом всея Беларуси. Оказывается, много-много лет назад, это еще в пятидесятые годы прошлого столетия, тогда еще студент Московской семинарии Кирилл Вахромеев познакомился с родной теткой Алексея, его же самого еще и на свете не было. Между двумя сестрами разница в возрасте была очень значительная. Если старшая уже взрослая девушка планировала вступать в семейную жизнь, то младшая еще ходила в начальную школу. В памяти маленькой девочки запечатлелось, как семинарист Кирилл всякий раз, бывая в их доме, привозил для нее, младшей сестрички своей возлюбленной, очень вкусные конфетки, молочную помадку. И еще она рассказывала сыну о том, какая это была замечательная пара. Выходец из дворянской семьи, молодой человек имел вкус и умел красиво одеваться.

Тетке Кирилл очень нравился, но, когда он сделал ей официальное предложение, девушка ответила отказом. Она не смогла представить себя в роли матушки, жены священника. Дальше я могу только предполагать, но, видимо, после отказа любимой девушки будущий владыка и принял решение избрать путь монашества. Так наша Церковь приобрела в лице владыки Филарета одного из самых выдающихся епископов современности. Хотя, уверен, стань бы Кирилл Вахромеев приходским священником, присущие ему таланты проявились бы несомненно. Но это уже была бы другая история.

Тоже интересно, уже много лет спустя, когда епископ Филарет нес послушание в Москве, мама Алексея каким-то образом случайно пересеклась с владыкой. Тот узнал ее и пригласил к себе. И когда девушка вошла к нему в рабочий кабинет, он подал ей коробочку. Она открыла, там лежали ее любимые с детства конфетки – молочная помадка.

– Мама вспоминала, – рассказывал Алексей, – как, выйдя из здания и обернувшись, она поискала глазами окна кабинета владыки и увидела его. Он стоял на балкончике. Провожал ее взглядом, улыбался и махал рукой.

Честно сказать, мне всегда хотелось познакомиться с этим великим человеком. Во-первых, потому что он служил в моей родной Беларуси, а во-вторых, мой духовник архимандрит Павел и будущий владыка Филарет вместе учились в семинарии, и даже какое-то время жили в одной келье в Троице-Сергиевой Лавре. Отец Павел всегда рассказывал о своем друге в превосходной степени: «Ты знаешь, что это за человек? Не знаешь?! Один из самых значительных и умнейших, что я встречал в своей жизни. А встречаться мне довелось со многими. Недаром владыка Филарет возглавлял Московские духовные школы, потом много лет трудился в Европе и наконец стал митрополитом в Минске. При этом оставаясь человеком простым и доступным.

Сашка, я вот что тебе скажу. Ты же каждый год едешь к себе домой в Беларусь, заехал бы к святителю в Минск, поклон бы от меня передал».

Я его слушал и представлял, как приду в Минск в епархиальное управление и стану объяснять цель своего визита. Может, владыка давным-давно забыл про отца Павла. Сколько лет уже прошло, целая вечность. И потом, у людей такого уровня ответственности вся жизнь рас-

писана по минутам. Чтобы такой человек на меня время тратил? Нет, совесть надо иметь. Сейчас вот жалею, что не заехал.

Помню, обрадовался, узнав, что владыке Филарету присвоили звание Героя Беларуси. Обрадовался, а поделиться не с кем, мой отец Павел к этому времени уже умер. Рассказал Алексею, как не решился поехать передать поклон своего духовника его старинному сокелейнику.

– Напрасно не поехали, батюшка. Владыка был очень прост в общении и совершенно негордый. Имея прекрасную память, не мог такой человек забыть друга своей юности.

Перескажу вам историю, которую слышал тоже от своей мамы. Однажды она собиралась куда-то лететь самолетом и в аэропорту в зале ожидания нос к носу столкнулась с владыкой митрополитом. И оба очень обрадовались новой встрече. За чашкой кофе там же в аэропорту владыка рассказал маме удивительную историю. Рассказывая ее, он умилялся. Так и говорил: «Расскажу вам о моей встрече со Христом. Однажды, – вспоминал владыка, – я посещал один из храмов у себя в Беларуси. Визит архипастыря для любого прихода уже событие, а здесь ехал сам патриарший экзарх...»

Кстати, я и сам вспоминаю визит владыки Филарета к нам в Гродно в кафедральный собор. Какое это было торжество для всего областного центра. Можете представить, как встречаются митрополита в Беларуси. В России такого, как там, не увидите. Множество народу, гостей, приглашенных. Официальные лица из областного и городского руководства. Военные, милицейские чины, многочисленное духовенство.

К слову, когда святителя принимали там же и в женском Рождество-Богородичном монастыре, то на входе вдоль ковровой дорожки выстраивались с цветами не только матушки из монастыря, но и монахини из местных католических общин. Естественно, этих монахинь никто не принуждал участвовать во встрече с православным епископом, люди сами изъявили желание. Настолько был высок в Беларуси авторитет митрополита Филарета.

– ...Мы идём по дорожке, усыпанной лепестками цветов, – Алексей продолжает рассказ владыки. – Всё громко, торжественно и помпезно. Я иду в сопровождении местного епископа и священства. Гудят колокола. Приближаемся к храму. На дорожке стоит маленький мальчик, наверное, лет шести. В руках у него коробка конфет. Мы подходим к мальчику, колокола умолкают. Он напряженно смотрит на меня снизу вверх и неожиданно спрашивает: «Кто ты такой?» – говорит тихо, но внятно.

От неожиданности все остановились, переглядываются, не зная, что сказать. Мальчик, не дождавшись ответа и думая, что я его не услышал, уже громко, почти кричит: «Кто ты такой?!» И тут же снова вдогонку: «Кто ты такой?!»

Здесь уже все спохватились, ребенка отвели в сторону, извиняются. Оказалось, обычное недопонимание между взрослыми и детьми. Мальчику сказали, мол, гость подойдет, ты представишься. Владыка тебя благословит, и ты подашь ему подарок. «Что значит „представишься“? – спросил мальчик. «Ну просто скажешь ему, кто ты такой». Мальчик так и сделал.

Заходим в храм. Торжество продолжается, а я все думаю: «А он прав, этот мальчуган. На самом деле, кто я такой, чтобы мне воздавали такие почести? А главное, я уже привык, чтобы меня так встречали. Этот мальчик заставил меня задуматься и посмотреть на себя со стороны. Говорят, устами младенца глаголет истина. Господь сказал мне, что Он обо всем этом думает».

С того случая митрополит Филарет отменил всякие излишества и, совершая пастырские визиты, благословлял встречать его как можно скромнее. Он сказал маме, что часто вспоминает этот случай.

Вы человек пишущий, – закончил Алексей. – Надеюсь, вам это пригодится.

Я тогда еще подумал: неудивительно, что такое произошло именно с владыкой Филаретом Минским. Мне стало тепло от этой истории. Способность человека, вознесенного людьми на огромную высоту, понять, что перед Богом он никто, есть свидетельство святости. А поче-

сти ему воздали потом. В день, когда в Свято-Духовом кафедральном соборе города Минска отпевали владыку, в небе над храмом, где проходило отпевание, вдруг появилась огромная стая белых птиц.

Жизнь интересно устроена. Казалось бы, какое отношение имеет рассказ Алексея к тому, о чем я пишу дальше. И тем не менее связь имеется. Случайностей в нашей жизни не бывает. Может, без услышанного от Алексея мимо меня прошло бы нечто очень и очень важное.

Многие написанные мною истории начинаются с такой фразы: «Мне позвонила молодая женщина». Или: «У меня зазвонил телефон». Что делать, сегодня невозможно представить нашу жизнь без этого маленького черного прямоугольника в кармане. В нем связь со всем миром, со всеми близкими и друзьями. Добрые и недобрые вести тоже приходят к нам с его участием. Большая часть звонков священнику – от тех, кому в этот момент требуется помощь.

Вот и на этот раз в моем кармане зазвонил телефон. В трубке молодой женский голос, поприветствовав, задал мне вопрос:

– Отец Александр? Это Лиза. Вы должны меня помнить. Года два назад мы с вами сопровождали группу паломников по монастырям Александровского района. Я та девушка-волонтер, которая помогала вам рассказывать о православных святых. Вы еще тогда меня поблагодарили и дали свою визитку. Сказали, что если мне понадобится помощь, то я смогу вам позвонить.

– Да, конечно, Лиза, я прекрасно вас помню. Что-то случилось?

– Батюшка, мне нужна ваша помощь. Вернее, нам с мамой очень нужна помощь. У нас беда, отец Александр. Умерла моя сестра. Она долго болела и очень страдала. Мы знали, что это произойдет, внутренне готовились. И вот это случилось.

– Помогите вам Бог, дорогая Лиза. Вам и вашей маме. Как звали вашу сестру? Я запишу ее имя к себе на сорокоуст и буду поминать.

– Спасибо вам, ее звали Вероника. У нас проблема. В храме прочитали медицинское заключение о причине ее смерти и в отпевании отказали.

– А какова причина?

– Сестра умерла от СПИДа. В конце уже прошлого века, еще совсем молодой девчонкой она в компании таких же юнцов попробовала, что такое наркотики. Вы наверняка помните, что здесь в те годы творилось. Кто только не торговал героином. Через «грязный» шприц она и заразилась.

Мы с мамой пришли в церковь и попросили отпеть Веронику по христианскому обряду, но с нами даже не стали разговаривать. За свечным ящиком сказали, что настоятель принципиально не отпевает ни наркоманов, ни алкоголиков, считая их самоубийцами. Мама просила, плакала, но это не помогло. Мы в полной растерянности и не знаем, что делать. Батюшка, что вы нам посоветуете?

Лиза говорила мне «помните», а я про себя думал: «Еще бы не помнить?!» Да мы все, тогдашние священники, просто «контужены» этими воспоминаниями о тех страшных днях, месяцах и целых годах, с ходу даже не подберу подходящего определения всего того, что происходило в стране на наших глазах. Человек, живущий исключительно своими заботами, семейными или рабочими, не выходящий за границы какого-то собственного малого круга обитания, и тот знал о захлестнувшей нас беде. Не мог не знать.

Даже если эта беда не ломилась конкретно в двери его квартиры, он все равно, особенно по весне, когда испарившийся снег обнажал скопившийся за зиму под окошками мусор, среди окурков и прочей мелочевки видел кучки использованных одноразовых шприцев. Но как заканчивали несчастные наркоманы, этого обычно никто не видел.

А мы, священники, всё это видели и как могли утешали их еще более несчастных родителей. Потому храмы становились, пожалуй, единственным местом, где можно было найти хоть какое-то сочувствие. Молитва за души их детей, погибших от наркотиков, давала силу

жить дальше. И упование, что они еще могут помочь тем, кого любили и всё еще продолжали любить, несмотря на изматывающую борьбу с их зависимостью от порошка, отчаяние и крушение надежд.

Десятки и десятки гробов с телами молодых людей, еще даже совсем мальчишек, проходили тогда через наши храмы. А мы молились и плакали вместе с плачущими, вселяя в их сердца желание продолжать жить дальше.

Конец девяностых и начало двухтысячных – время, когда героин убил очень и очень многих. А кого не убил тогда, медленно, но верно догонял спустя годы «разумного» потребления. Обычное время жизни героинового наркомана – лет пять или шесть, при условии, что не случится передозировки, а потом смерть. Те, кто продолжал колоться, соблюдая меры предосторожности, дотянули почти до наших дней, но редко кто из них преодолел сорокалетний рубеж. Они «тянут время», а их близкие, глядя на них, ждут.

Одна женщина рассказывала, как ее брат, такой вот многолетний наркоман, однажды не рассчитал свою норму и стал умирать. А она, словно чувствуя беду, в этот момент зашла к нему в квартиру, открыв дверь собственным ключом. Видя брата, лежащего на полу в прихожей, она немедленно вызвала скорую помощь. Девочка-фельдшер приехала, взяла руку, пощупала пульс и посмотрела на женщину, звонившую им на скорую: «Умер».

Та заплакала: «Он еще только что дышал. Сделайте ему укол». – «Зачем? Ты бы знала, сколько раз мы уже приезжаем по этому адресу. Сегодня оживим, а через месяц он всё равно умрет».

Женщина плачет и продолжает просить: «Ну пожалуйста. Это мой брат. В нашем детстве он был очень хорошим и всегда меня защищал».

Фельдшер без слов взяла шприц и ввела лежащему без чувств наркоману лекарство. Буквально несколько секунд спустя «мертвец» чихнул. Потом снова чихнул и, как был с закрытыми глазами, сел. Снова чихнул и, продолжая сидеть на полу в прихожей, принялся судорожно подпрыгивать на попе. Постепенно у него открылись глаза и он наконец пришел в чувство. Женщина вспоминает, сколько было радости.

Два месяца спустя брат умер от передозировки. Уже прошло несколько лет, как похоронили человека, а сестра вместе с мамой всё приходят и приходят на каждую родительскую субботу.

В те же описываемые мною дни могла умереть, и тоже от передозировки героином, одна хорошая девчонка. Хорошая, но наркоманка. Безбожно обманывая и меня, и всех своих близких, она тем не менее продолжала хвататься за Бога. Кололась, а потом бежала в церковь на причастие: «Батюшка, причастите меня!» – «Снова небось кололась?» – «Нет, что вы!»

Вслед за ней в храм приходила ее мама и говорила мне: «Она лжет!» Но я никогда ей не отказывал и продолжал причащать. Даже тогда, когда понимал ее неправду. Она причащалась и шла за очередной дозой. Она кололась, даже забеременев, нося младенца под сердцем. Она рожала, находясь под кумаром. И молилась, молилась, молилась.

После рождения младенчика молодая мама утомилась на время. Любовь к ребенку вытеснила тягу к героину. Но ненадолго. Прошло месяцев восемь, и тело вновь потребовало порцию «дури». Она набрала номер одного своего старого знакомого и сказала: «Мне надо. Хочу уколоться». «Не проблема. Приходи», – ответил знакомый.

Она пришла к нему на квартиру, неся малыша в съёмной корзине, отстегивающейся от коляски. «Друг» подготовил для нее обычную дозу из новой поставки, но он не знал, что эта партия будет такой высокой степени очистки.

Она, сев на стул, поставила напротив себя корзину с ребенком. Ребенок не спал, сидел и смотрел на свою маму. Мама взяла шприц, нашла вену и привычным движением ввела иглу. Очень медленно принялась вводить в кровь содержимое шприца и в этот момент увидела,

что дитя в коляске начинает вставать на ножки. Ребенок был еще не в состоянии сохранить равновесие и начал падать. Корзина стала опрокидываться вместе с ребенком.

Что произошло дальше, она вспоминает, откровенно содрогаясь. Заметив дитя выпадающим из корзины, мать, не закончив своего дела, отбрасывает шприц в сторону и бросается ловить ребенка. Так малыш невольно спас жизнь своей мамочке. Если бы она успела ввести в себя всё содержимое шприца, то непременно бы погибла. А так, поймав на лету ребенка, она упала вместе с ним на пол и потеряла сознание. Опытный в этих делах «друг» немедленно вызвал скорую помощь, и бригада медиков вернула к жизни молодую женщину. Мне она потом рассказывала: «Потеряв сознание, я увидела стоящее рядом со мной совершенно отвратительное человекоподобное существо. Оно стояло и наблюдало за мной двумя немигающими глазами. Глазами, больше похожими на горящие угли. Я догадалась: эти глаза ждали, когда я умру, и тогда им удастся утащить меня в ад».

После всего случившегося женщина больше не колется. Исправно продолжает ходить на службы, причащается сама и причащает своего ребенка. Последний раз она мне сказала: «С того дня, когда Бог спас меня через моего ребенка, прошло ровно четыре года. И все эти четыре года тот страшный никуда не уходит и продолжает ждать. Уже позабыв о своем прошлом, иногда в какой-то момент, внезапно обернувшись назад, я снова вижу рядом с собой его горящие глаза. Мне постоянно напоминают, что ад не сказки, это реальность. И оказаться в нем легче легкого. Вы не представляете, как это страшно».

Все эти годы я молюсь о ней, о ее малыше и понимаю: Бог спасает человека страхом. По-другому видимо, не получается. Страх и материнская любовь – два чувства, позволяющие удержаться на самом краю.

– Да, Лиза, конечно, помню. Порой думаешь, забыть бы обо всем этом, но не получается.

– Батюшка, сестра просила перед кончиной отпеть ее, и обязательно в храме. А нам отказали даже в заочном отпевании. Не понимаем, за что, это же не самоубийца, а тяжело больной человек.

– Лиза, сочувствую вашей беде.

Наш покойный владыка митрополит учил: «Отцы, не беритесь кого-либо судить. Наша задача – сделать всё от нас зависящее, чтобы помочь душе человека. А суд оставляйте Богу».

С Лизой мы договорились о времени отпевания ее сестры, и я положил трубку. Положил и почувствовал, что «я хороший человек». Не помню, чтобы Лиза мне сказала хотя бы просто «спасибо». Ни одного слова благодарности, а чувство все равно появилось. Такое тонкое, едва заметное.

Представил себе Веронику, Лизину сестру. Я никогда ее не видел и ничего раньше о ней не слышал. Просто представил, какой она могла быть. В моем представлении сразу нарисовался образ человека падшего. Вспомнил одну такую же несчастную девчонку, тоже СПИД. Там было всё: и наркотики, и спиртное. А умирая, покаялась. Я принимал у нее последнюю исповедь и причащал. Потом я же и отпевал. Помню, как жалел ее маму.

Подумал: на самом деле мне всех жалко. Наверное, это потому, что я священник. А священник просто обязан жалеть всякую тварь. Без исключения – и птичку, и кошечку, и собачку, и даже вот этого муравья, что бежит перед тобой по тропинке. Бежит он себе по своим делам, и пусть бежит. Нет у меня права наступить на него и раздавить. И эту падшую женщину, Лизину сестру, мне тоже жалко. Всех, без исключения всех должно вместить в себя сердце священника.

Вечером перед молитвой, взяв календарь, посмотрел имена святых, память которых праздновалась на следующий день. Каково же было мое удивление и одновременно радость, когда среди святых завтрашнего дня я прочел имя Филарета Милостивого, человека удивительной святости. Не было ни одного голодного, который, попав ему на глаза, не получил от святого куска хлеба, или больного, мимо которого он бы прошел и не перевязал ему ран. Некогда богач, превратившийся в последнего бедняка именно по причине своего милующего сердца.

Конечно, я всё понимал и отдавал себе отчет в том, что мысли, меня посетившие, о собственной «хорошести» и присущей мне «доброте» есть не что иное, как самое настоящее тщеславие. Мысленно в этом каялся и просил прощения. Но вот – ведь это уже факт – против святцев не попрешь. Филарет Милостивый, а разве не из милости именно в день его памяти я согласился отпевать падшую грешницу, наркоманку, скончавшуюся от СПИДа? И значить это может только одно – святой благословляет меня совершить дело милосердия.

С особым чувством умиления прочитал вечернее молитвенное правило, по такому случаю добавив к нему молитовку к святому Филарету Милостивому, и, довольный собой, отошел ко сну. Даже в тот момент я понимал, что это тщеславие, каялся, и всё же где-то там, глубоко внутри появилось согласие с этими помыслами.

Середина декабря, четырнадцатое число. Вспомнил, что это еще и день именин покойного митрополита Филарета. Время самых коротких тусклых дней и самых долгих темных ночей. Холодно. Зимой мы перебираемся и служим в отапливаемой части храма, а отпеваем в главном приделе. Храм – красавец, поражающий своим величием. Одна только высота внутри под куполом двадцать пять метров. Это выше девятиэтажного дома.

На следующий день в назначенное время сотрудники «Ритуала» внесли в храм тело усопшей Вероники. Гроб сопровождали всего лишь два человека – ее мама и сестра Лиза. Похоронщики ушли, и мы в храме остались втроем. Все вместе мы растворялись в пространстве его огромности.

Прежде чем отпевать, я подошел ближе к гробу, ожидая увидеть измученное лицо, исковерканное предсмертными судорогами. Но неожиданно для себя увидел совсем другое: лицо будто уставшего лететь, опустившегося на землю и нечаянно уснувшего ангела. Не скажу, что это лицо было от природы красивым. Оно было обычным. Обыкновенная молодая женщина, тридцати восьми лет от роду. Но что-то было в этом лице приковывающее к себе, не позволяющее отойти просто так и не спросить:

– Кто она? Пожалуйста, расскажите мне о ней.

– Это и есть Вероника, моя старшая сестра. Хорошо училась. Дружила с парнем, еще со школы испытывала к нему чувство. Потом что-то у них пошло не так. Сильно переживала. Хотела показать ему собственную значимость и независимость. Влилась в компанию молодых мажоров. Там первый раз укололась героином. Потом еще укололась. И вскоре подседа, как у нас говорят, «на иглу». Но хватило собственных сил уйти из компании и покончить с зависимостью. Тот молодой человек предложил возобновить отношения. Она обрадовалась, но на всякий случай решила подстраховаться и проверилась на ВИЧ. Анализ оказался положительным. Вся в слезах пролежала неделю на диване. «Я не имею права на личное счастье». Окончательно порвав отношения со своим парнем, собрала вещи и уехала в Питер.

В северной столице она нашла таких же, как и она, людей, болеющих СПИДом. И вместе с ними начала заниматься волонтерской деятельностью. Снимала комнату в коммунальной квартире, работала и училась. Сначала она помогала людям, болеющим СПИДом. Потом ее деятельность распространилась на бомжей и на детей-беспризорников. Она практически не покупала для себя новых вещей. Деньги, что оставались у нее после всех необходимых платежей, уходили на продукты и бензин для машины, на которой их волонтерская команда развивала еду по ночлежкам.

Двенадцать лет прожила Вероника в Петербурге. И за эти годы, помогая людям, она пришла к вере в Бога. Исповедовалась, причащалась, научилась молиться. Холодный ветреный климат Балтийского моря сказался на ее здоровье, и девушка стала часто простужаться. Хотела уже возвращаться назад домой, но кто-то ей подсказал, что для ее болезни Сибирь самое подходящее место. И она перебралась в те края. Действительно, сил у нее прибавилось, и она вернулась к своим привычным занятиям. И снова бомжи, наркоманы и брошенные дети.

Еще восемь лет после Петербурга она жила в Сибири, но потом болезнь заявила о себе настолько, что Вероника уже не могла заниматься волонтерской работой. И тогда она придумала для себя новый вид деятельности – «телефон доверия». Теперь ей звонили чуть ли не со всех концов нашей страны. Кто-то спрашивал у нее совета, как ему жить. Кто-то собрался отправиться на аборт, но в критический момент решил позвонить и, получив поддержку, сохранил ребенка. Последние полгода своей жизни она провела в Дивееве, рядом с преподобным Серафимом. И только недавно вернулась домой. Силы ее покинули, но до последнего дня она продолжала отвечать на звонки по своему телефону доверия.

Совершая отпевание, мысленно обращаясь к усопшей: «Вероника, люди, живущие в твоём городе, сочли тебя великой грешницей, недостойной отпевания в храме. Я согласился, но только из жалости к Лизе и ее маме».

Вспоминаю, как собирался оказать милость падшей грешнице, и слышу в голове всё громче звучащую, уже ставшую сакраментальной, фразу: «Кто ты такой?» Поначалу пытаюсь оправдываться и хитрить: «Какой такой? Да такой же, как все». А сам чувствую, как начинают гореть щеки. Середина декабря, храм не отапливается, а они пылают.

Батюшка Александр, как же так получилось, как оно в тебе проросло? Ты постоянно следишь за своими мыслями и движением чувств, видишь собственные грехи, исправно исповедуешься. Ты реально на полном серьезе осознаешь себя грешником!

Ты же нормальный рабочий человек. В армии служил простым солдатом, на железной дороге в жару и холод, ночью и днем, в тяжелых кирзовых сапогах десять лет отхрустел по насыпному граввию. Было трудно, ты благодарил любого, кто проявлял к тебе милосердие. Тебя научили состраданию, может, потому Господь и сделал тебя священником.

Думал, этого хватит, чтобы быть настоящим. Не хватило. Как ты мог без тени сомнения приписать самому себе благословение святого Филарета Милостивого? Фарисей, Веронику в грешницы записал, а сам по делам своим и мизинца ее не стоишь.

Сегодня Господь показал тебе, кто ты есть на самом деле. Раз так, значит, Он на тебя еще рассчитывает.

После отпевания в молчании втроем мы простились с Вероникой и предали ее останки земле.

Похоронщики легко подняли на плечи гроб с невесомым телом усопшей и вынесли его из храма. Прикрывая глаза от мелкого колючего снега, с развевающейся на ветру епитрахилью, я шел перед гробом, проговаривая положенное в этом случае Трисвятое, перемежая его с другой стихийно сложившейся у меня в голове молитвой: «Святой праведный Филарет Милостивый, прости меня грешного. Мудрый владыка Филарет, спасибо тебе за преподанный урок. Ты помог мне разобраться в себе самом.

Вероника, чистый ангел Вероника, помолись обо мне грешном».

Йоханссон

Утро вторника. Традиционно в этот день мы служим молебен о болящих в нашей часовне, что стоит в поселке сразу через дорогу от больницы. Обычно я подхожу к самому началу службы, облачаюсь, благословляю присутствующих, и начинаем молиться. Потом кто-нибудь просит принять исповедь, причащаешь больных или просто общаешься с народом.

В то утро меня попросили отслужить заупокойную литию. Включил электроплитку, достал из коробки уголек, положил его на спираль. Пока ждал, когда уголек разгорится, ко мне подошла девочка-подросток лет десяти и тронула меня за рукав.

– Там, на улице, – она показала пальчиком в сторону входной двери, – дяденька вас зовет.

– Зовет дяденька? А сам почему не заходит?

Ребенок пожал плечиками.

– Не знаю. Зовет.

Я вышел на улицу и увидел пожилого худощавого, небольшого роста мужчину лет шестидесяти пяти. Он стоял на дорожке, ведущей в часовню, обхватив обеими руками и прижимая к груди большой деревянный киот. Лицо этого человека мне показалось знакомым. Я вспомнил, что часто видел его копающимся в мусорных контейнерах, собирающим пустые металлические баночки из-под пива и жидких энергетиков. Пиджак не по размеру, явно подобранный там же на помойке, такая же хорошо поношенная куртка делали его похожим на забулдыгу.

Проходя мимо помойки и видя его, перебирающего содержимое мусорных пакетов, я неизменно первым здоровался с этим человеком и не останавливаясь шел дальше, а он, оторвавшись от своего занятия, смотрел в мою сторону, прищуриваясь подслеповатыми глазами и пытаясь понять, кто этот человек, что только что с ним поздоровался. Всё это он совершал точно в замедленной съемке, из-за своей медлительности не успевая поприветствовать меня в ответ.

Меня его медлительность забавляла. Я вспоминал рассказ одного моего знакомого молодого человека. По роду своей деятельности он в одной известной компании отвечает за подбор и разведение специальных сортов картофеля, что используется для приготовления любимых многими картофельных чипсов. В свое время ему пришлось много поехать по Европе, чтобы найти подходящий материал, побывал он и в Норвегии, а потом рассказывал: «Вместе с сопровождающим меня шофером-переводчиком, кстати, бывшим нашим соотечественником, мы въехали в одну из тамошних деревень. Медленно продвигаясь по центральной улочке, поравнялись с одним из домов. Рядом с ним на лавочке сидел старик норвежец и курил трубку. Шофер притормозил как раз напротив старика, опустил стекло и что-то очень вежливо проговорил по-норвежски. В ответ тот, встав со своего места, приложил руку к груди и поклонился. Шофер поднял стекло, и мы поехали дальше.

– Что ты ему сказал?

– Я с ним поздоровался и передал поклон от господина Йоханссона.

– У вас с ним общие знакомые?

– Нет, конечно, я первый раз его вижу.

– Тогда откуда ты можешь знать, что конкретно этот старик знаком с неким господином Йоханссоном и тот регулярно посылает ему поклоны?

– Да ничего я не знаю. Здесь каждый второй или Йоханссон, или Андерсен. Это я так развлекаюсь, от скуки. Они ужасные тугодумы, и теперь этот дед целый день будет думать о том, кто я такой и какой такой Йоханссон передал ему поклон.

– Зачем тебе это?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Я же говорю – от скуки».

Вот и этот сборщик алюминиевых баночек напомнил мне того старика норвежца. Но я продолжал с ним здороваться и делал это без всякого умысла, хотя про себя называл его не иначе, как «старик Йоханссон».

– Здравствуйте, – произнес сборщик баночек, заметно волнуясь, и продолжил: – Вот, икону вам принес. На помойке нашел. Только она... это, пораненная. Ее починить надо.

Нам и раньше алкоголики в обмен на спиртное приносили какие-нибудь иконки или металлические кресты. В этот раз я тоже ждал, что, рассказав об иконе, он закончит: «Только ты дал бы кагорчику-то на опохмел». Правда, я не помню, чтобы когда-нибудь видел его выпившим. Не видел, ну и что? Зачем-то он ее принес.

Он вручил мне икону и молчит. Я вопросительно кивнул и спрашиваю:

– И чего?

– А ничего, – ответил человек, повернулся и ушел.

Я смотрел ему в спину, и мне стало стыдно.

Икону мы отреставрировали. Большой старинного письма образ Спасителя. Сейчас в отремонтированном киоте он висит у меня в алтаре. С того памятного дня я долго не встречал этого человека. Уже и икону отреставрировали, и киот, а извиниться за тот разговор и поблагодарить дарителя всё не получалось.

Однажды иду по поселку и встречаюсь с ним буквально нос к носу. Он удивился:

– Икону? Не помню, ничего я тебе не дарил. Ты мне вот что лучше скажи, грех на мне это или нет? Я баночки пустые из-под пива хожу по помойкам собираю. И чего только там не нахожу: и крестики, и книжки божественные, иконки разные. Люди иконы на помойку выбрасывают. А я нахожу и уношу домой, у меня знаешь их сколько, ой. А бывает, просвирки нахожу, церковные. Не плесневелые, а только сильно засушенные. Не знаю, что с ними делать. На помойке оставить не могу. Дома размачиваю их в святой воде и съедаю. Это не грех? То, что я их съедаю, это мне не грех?

– Разве это грех? Нет, это не грех.

– А что такое грех?

Я показал ему на его прокуренные пальцы и сказал:

– Вот, изо дня в день самого себя добровольно травить табаком – это грех. А просфоры – это не грех. Наоборот, за это тебе спасибо.

Прошло еще, может, с полгода или даже год, звонит мне одна наша верующая и просит прийти домой к одному тяжело болящему человеку.

– Батюшка, он совсем уже похудел, его бы успеть причастить да пособоровать. Верующий он, батюшка, правда, как-то по-своему, а человек очень хороший. Говорил, вы его знаете, умилялся и рассказывал, как вы его с кем-то перепутали.

Я согласился прийти домой и причастить больного. Мы договорились о дне, когда я смогу это сделать. Потом мне снова звонили, несколько раз, корректируя время, человека этого то и дело увозили в больницу. Короче, встретились мы с ним спустя месяц после того звонка моей знакомой.

Поднимаюсь на пятый этаж, подхожу к нужной мне двери. Она чуть приоткрыта. Звонить не стал, дверь сам открыл и увидел «старика Йоханссона». Он действительно сильно сдал, осунулся и похудел. Но глаза смотрели по-прежнему, слегка прищурившись. Еще на его пальцах совсем не осталось следов никотина.

Он увидел, что я смотрю на его пальцы, и сказал:

– Я сколько себя помню, столько лет и курю. Ты сказал, что это грех, и я перестал курить. Видишь, совсем очистились.

Я огляделся. Прихожая без обоев. Хозяин посетовал: собирался делать ремонт, старые обои сорвал, а чтобы новые поклеить, на это сил уже не хватило.

Он провел меня в комнату. Мы помолились. Я его соборовал, потом исповедал и причастил.

– Последние несколько лет я собирал пустые баночки и сдавал их в металлолом. На жизнь мне и без этого хватало, получаю пенсию и дети помогают, а я все равно собирал. Сперва жалко было, это же металл, его еще добыть надо. В него труда сколько вложено, а он пропадает. Собирал, а как скопится, ездил сдавал в приемный пункт. Получал деньги и шел в церковь. Она там неподалеку. Покупал большие свечи и ставил на все подсвечники. Чтобы каждому святому по свече. Оставшиеся деньги опускал в кружку для бедных и радовался, что могу кому-то помочь. Пойдем на кухню, там моя территория, покажу, сколько у меня святых.

На кухне один из ее углов и стена, что напротив мойки с газовой плитой, сверху и аккуратно до уровня обеденного стола целиком увешаны иконами. Были там и старинные в киотах, но больше всего маленьких самого разного калибра, от совсем крошечных до размера тетрадного листа.

– Вот здесь я и молюсь. Как молюсь? Бывает, что и по молитвослову, но больше так, своими словами со святыми разговариваю. Это вот мне еще от родителей достались, другие сам купил, а еще те, что на помойке нашел. Люди выбрасывают иконы. Не нужны они им. Ты бы знал, сколько я их еще к себе в гараж отнес. Я молюсь о тех, кто выбрасывает иконы, и прошу святых, чтобы они на них не обижались. По глупости всё это, по недомыслию. Живут, словно дети малые, не ведают, что творят. А мне их жалко.

Последние дни одну только мысль думаю: умру скоро. Кто теперь вместо меня будет исправлять их ошибки?

Он замолчал. Потом снял с полочки небольшую иконку с изображением какого-то святого монаха. Какого, непонятно. Время стерло на иконе надпись.

– Вот, посмотри, какая. Старинная. Печать по серебряному напылению. Свет вечером включаю, она вся так и играет. Валялась рядом с контейнером. Солнышко ее высветило, я и увидел. Самая любимая. Возьми от меня на память. И еще, – он открывает шкаф и подает мне бутылку кагора. – В храме купил. Давно уже. Как умру, отслужи на нем обедню.

Мне уже уходить, а старик опустил на стульчик рядом с входной дверью, в комочек сжался и сидит.

Я вспомнил и говорю ему:

– Икона твоя, Спасителя, которую ты в часовню приносил, теперь у меня в алтаре висит. Так что, пока живу, буду тебя помнить.

– Снова ты мне об этой иконе. Не приносил я в храм никаких икон.

– У тебя что, есть брат-близнец? Если не ты, тогда кто нам ее подарил?

Он улыбается, преодолевая боль:

– Не знаю. Наверно, это был ангел.

Тяжело опираясь на палку, он встает со стульчика:

– Извини, в неподходящий момент скрутило.

Я благословил его и вышел на улицу. Уже смеркалось. В электрическом свете уличных фонарей кружились крохотные снежинки. Шел и слушал, как скрипит у меня под ногами снег. Шел, ощущая нарастающее чувство сиротства.

Йоханссон, все эти годы мы были рядом, ты и я. Всякий раз, видя тебя копающимся в отбросах, я тебя жалел, думая, что тебе не хватает на выпивку. Прости меня, я так и не научился разбираться в людях.

Как правильно ты сказал: люди, даже взрослые, остаются детьми. Словно ученики младших классов, они не слушаются, бегают и шумят. Когда им хорошо, они смеются. Когда плохо, приходят в храм и плачут. Они разные, в то же время – очень похожие друг на друга, будто нарисованные под копирку. Порой, как малые дети, они играют в опасные игры. Заигрываются и сами не замечают, как подбираются к самому краю пропасти. Их жалко, они не видят, как

опасно ходят, срываются и падают вниз. Тебе никто ничего не объяснял, Йоханссон, ты сам всё понял и встал преградой на самом краю. День за днем, всё это время я говорю им о грозящей опасности. А ты, жалея, шел и исправлял их ошибки.

Фонари заканчиваются, гаснет свет. Я уже не вижу снежинок, лишь чувствую, как они летят мне в лицо, тают и стекают каплями по щекам. Чем дольше я продолжаю идти, тем большее ощущение сиротства. Не умирай, добрый ангел Йоханссон, нам без тебя будет трудно.

Старик

«Этот дед тот еще был дед». Отец Филипп, настоятель храма в честь Архангела Михаила в селе Угрюмиха, частенько его вспоминает. Маленький, шустрый, быстрый в движениях и страстный любитель поговорить. Жил он одиноко, жена давно умерла, дочка выросла, вышла замуж и проживала отдельно. Футболом дед не интересовался, потому телевизор простаивал у него без дела. Одна отрада только и оставалась старику, что выйти из дому да зацепиться языками с кем-нибудь из знакомых. Но собеседники тоже просто так на дороге не валяются. Потому как они по ней ходят. Вот, чтоб не пропустить потенциального собеседника, дед в качестве наблюдательного пункта вкопал на тропинке рядом с калиткой старую покрышку от грузовика и использовал ее как лавочку. С самого утра его можно было видеть сидящим на шине в телогрейке и с неизменной папироской в зубах. «А, Петровна! Здорово-здорово, трам-та-та-там. Чего-то прохладно сегодня, прямо-таки с самого утра, трам-та-та-там!»

Нужно сказать, матерился дед Сашка постоянно, расцвечивая свою речь множеством виртуознейших оборотов. Потому никто из знавших его соседей общаться с дедом не соглашался, а если и выходили с ним на контакт, так только по необходимости, поскольку дед Сашка вполне себе неплохо разбирался в электрике и был способен наладить практически любую проводку. А мужики деда принимали. Не сказать, чтобы любили, но пообщаться останавливались охотно и зависали с ним в разговорах надолго. Оправдываясь тем, что «с нашим дедом никаких новостей не надо смотреть, всё знает и обо всем расскажет. А что не знает, о том домыслит».

И домысливая, старик частенько попадал в самую точку. Сегодня таких людей называют аналитиками. Телевизор старик особо не жаловал, а вот в удовольствии почитать умную книжку он себе не отказывал. Даже зимой деду некогда было скучать, а уж в остальное время года пространство вокруг врытой им в землю покрышки превращалось в деревенский информационно-аналитический центр.

Любил дед Сашка поговорить и на отвлеченные философские темы, не исключая и область божественного. Потому, пересекаясь со своего колеса с мимо идущим батюшкой, он немедленно начинал интересоваться датами начала грядущего или окончания текущего многодневного поста, гастрономическими особенностями его проведения или просил растолковать значение очередного церковного праздника. Но больше всего дед интересовался временем прихода антихриста – не пора ли уже начать запастись мылом, спичками и тушенкой.

Теоретически с дедом можно было обсудить любую тему, в том числе тушенку, если бы не его пристрастие к матерщине. Правда, сам он не считал, что сквернословит, просто на этом языке разговаривает. Потому для батюшки никаких поблажек в общении с дедом не предвиделось, по этой причине и дружбы у них с отцом Филиппом не получилось.

«Помню, однажды, – рассказывал батюшка, – возвращаюсь я из храма. Иду к себе домой и решаю пойти по дороге через деревню. Подхожу к дому деда Сашки, колесная покрышка, обычное его место обитания пустует. Думаю, вот и хорошо, не придется вступать в ненужные разговоры. И вижу, как идет он мне навстречу и толкает перед собой ручную тележку, до верха наполненную книгами. Зрелище для меня, честно сказать, неожиданное.

– Откуда книги, дядя Саша, неужто в библиотеку записался?

– В библиотеку? – передразнил он укоризненно. – С помойки везу.

Он хватает лежащий сверху том из собрания сочинений Пушкина и сует мне его чуть ли не в самый нос.

– Видал?! Дожились! Пушкина на помойку свезли! А это видал?! Шекспира! Самого Шекспира не пожалели. Небось молодые, у старика рука не подыметя, классиков – и на помойку!

Возмущался дед Сашка искренне, ругаясь при этом больше обычного, что соответствовало драматизму события.

– Дядя Саша, с книгами-то что будешь делать? Куда тебе их столько? Избу-читальню организуешь?

– Ага, избу-читальню, разбежался. Я их сейчас в порядок приведу и в Москву по частям переправлю. У меня в столице братан бизнесом занимается. На Новом Арбате возле книжного магазина с земли старыми книжками торгует. Картонку прямо на асфальт кладет и товар на нее выкладывает.

– И покупают?

– А чего нет? Стал бы я тогда с этими книжками корячиться. Берут, на хлеб ему хватает. Народ тянется к знаниям, а эти, – он погрозил неизвестным «им» кулаком, – книги на помойку выкидывают.

И дальше в присущей ему манере он высказал всё, что о них думает.

Одно плохо: не было у деда внуков. Может, потому нереализованная дедова любовь к подрастающему поколению и выливалась у него в пустые посиделки на колесе.

Дочь дедова Нинка в свое время, как и положено, вышла замуж, родила было дочку. Старрики в ней души не чаяли. Считай, они внучку и вырастили. Девочка подросла, превратилась в девушку и сама уже готовилась стать матерью, но вот ведь беда какая, погибла во время родов. В наше-то время – и не спасли, ни мать, ни дитя.

Нинка тогда уже жила одна, мужика своего она выгнала, совсем он у нее спился. А поскольку женщиной она была видной и далеко себе не глупой, то, почувствовав свободу от обязанностей, налагаемых семейными обстоятельствами, жила так, как считала для себя возможным. Потеряв любимую дочку, а вместе с ней и долгожданного внука, женщина свою боль гасила, заводя всё новые и новые знакомства с мужчинами, как сказали бы сегодня, в режиме нон-стоп.

Понятно, что дед Сашка, сам уже став вдовцом, жалел свою несчастную дочку, как мог ее утешал, но заполнить своей любовью горем опустошенную Нинкину душу не мог. Потому злился на нее и, порой не сдерживаясь в выражениях, осуждал словесно. Нинке, понятно, об этом доносили, а рассказывая, еще и приукрашивали, потому отношения между отцом и дочерью, мягко говоря, становились всё более напряженными».

Однажды, встретившись с дедом Сашкой, отец Филипп завел разговор о его непутевой дочке. Старик выслушал священника, в ответ грустно покачал головой:

– Батюшка, она, Нинка моя, не непутевая. Она у меня несчастная очень. И мне ее жалко, тем более, что пожалеть ее, кроме меня, больше некому. Вся Угрюмиха ее в зубах носит, а так, чтобы пожалеть одинокую бабу, такого не бывает. У нее по жизни связь всё больше была с матерью. Любили они друг дружку очень. А со мной у нее не получается. Почему, не знаю. Словно виноват я перед ней в чем-то, а в чем?

И он пожал плечами.

– Ну коли так, Александр Николаевич, то надо тебе о ней молиться. Вместо тебя делать это некому, а девку спасать надо.

Кроме батюшки деда Сашку по имени отчеству никто не называл. Потому как и в голову никому не могло прийти, что этот деревенский хохмач и балабол мог иметь такое сложное для произнесения имя да еще и отчество.

Старик помолчал, обдумывая слова священника, затянулся беломориной и предложил:

– Знаешь, батюшка, я ведь невер по жизни и молиться никогда не молился. В мои-то годы чего уж традицию ломать. Лучше давай мы с тобой по-другому сделаем. Вот я тебе сейчас денег дам, ты за Нинку мою и будешь молиться. Кому же, как не тебе, раз ты на это дело учился. А я лучше буду по электричеству. Если чего в церкви закоротит, зови, наладим в лучшем виде.

Беда пришла в Угрюмиху с той стороны, откуда никто не мог и предположить. Да такая беда, что и не исправишь ее, и не откупишься.

Однажды, дело было уже за полночь, когда дед Сашка мирно спал, по деревенскому обычаю укладываясь чуть ли не вместе с курами, кто-то постучал ему в окошко. Стучал тот человек нетерпеливо и так сильно, что если деду сейчас же было не встать и не пойти открывать дверей, то вполне себе окно могло бы остаться без стекла.

– Да что же это такое?! – возмутился и одновременно испугался дед Сашка. – Кого это нелегкая в самый сон по ночам носит?

Приник он лицом к стеклу, чтобы разглядеть нарушителя спокойствия, и, к своему удивлению, узнал в ночном визитере дочь Нинку. Она и днем-то домой к отцу особо не заглядывала, хотя он ее никогда и не корил, а тут на тебе – ночью. Что-то, видать, стряслось, и нехорошее стряслось, иначе так бы в окошко не билась. Бегом, как был без тапок, так босиком в сени и побежал.

Открыл. Она стояла за порогом, как бы не решаясь войти. На вид трезвая, хотя даже на расстоянии отец почувствовал запах самогона.

– Чего за порогом-то стоишь? Заходи.

Наконец она вошла. Из сеней прошла сразу на кухню, опустилась на лавочку, что стояла рядом с печкой, и привалилась к печке спиной.

– Отец, я человека убила. Кого? Ты его не знаешь, он ко мне из города приезжал. Он и раньше, как выпьет, руки распускал, а сегодня перебрал, видать, схватил бутылку, размахнулся, хотел ударить, а я первым, что под руку попало, в него и запустила. А попался нож. Прямо в шею. Он кровью зашелся, за минуту буквально, я ничем не смогла ему помочь.

Старик молча опустился на лавочку рядом с дочерью.

– Кто-нибудь все это видел? Свидетели были?

– Нет, не было.

– А как ко мне шла, никого по дороге не встретила?

– Нет, никого.

– Хорошо. Давай ключи, а сама оставайся здесь. И никому ни о чем не рассказывай. Давай так условимся: вы с ним пили, а я потом подошел. Ты норму не рассчитала, захмелела и ушла ко мне в дом отсыпаться. А мы с приятелем твоим остались. Короче, не ты, я его на нож посадил.

Потом, вздохнув, продолжил, заметно волнуясь:

– Как-то у нас с тобой, дочка, не получилось. По жизни не получилось. Не смог я тебя утешить, слова нужного не подобрал. Не на тебе, на мне вина. Ты уж прости меня, доченька.

Таясь, дед Сашка в одиночку добрался до Нинкиного дома. Зашел внутрь. Взял нож, стер с рукоятки следы Нинкиных пальцев и повсюду, где только мог, наставил своих. Выпил самогону, закусил и вызвал полицию.

Наутро вся Угрюмиха, словно растревоженный улей, гудела о происшедшем ночью. Это ж надо, дед Сашка Нинкиного хахалю убил. Кто-то, изумляясь, восклицал: «Ай да дед! А на вид – так и мухи не обидит. Правильно говорят, в тихом омуте черти водятся». Другие возражали: «Что, дед Сашка убийца?! Да ни в жизнь такому не поверю. Нет, что-то здесь не то».

Участковый старику сразу так и сказал:

– Не ты, дед, Нинка его убила. А ты ее выгораживаешь.

На что старик ответил:

– Какая тебе разница, кто сидеть будет? Ей еще жить да жить, а мне за свою жизнь итог подводить надо. Так что пиши явку с повинной.

Участковый, понимая, что дед берет на себя чужую вину, но видя решимость старика, спорить не стал и дал ход делу. Следствие, а потом и суд по причине добровольной явки и

сотрудничества обвиняемого со следствием надолго не затянулся, и осудили деда на минимальный срок, положенный по статье за непредумышленное смертоубийство.

Деревенские жители долго еще, обсуждая между собой случившееся в Угрюмихе событие, постепенно, но безальтернативно пришли-таки к выводу, что их односельчанин Александр Николаевич не убийца и что взял он на себя Нинкин грех по великой его любви к единственной и непутевой своей дочке. Те, кто ездил на суд, вернувшись, так и сказали: «Судейские сами не верят в виновность деда, но должен же кто-то сидеть в тюрьме». Так в разговорах друг с другом угрюмихинцы и не заметили, как вместо «дед Сашка» как-то не сговариваясь стали между собой называть его уважительно Александром Николаевичем.

Что касается Нинки, та после суда продала собственный дом и уехала из деревни в город, лишь изредка наезжая проведать отцовское хозяйство. Местных она старалась обходить стороной и в разговоры ни с кем не вступала.

Так минуло еще два года, и прошла новость, что Александра Николаевича по причине тяжелого заболевания досрочно выпустили из мест заключения. А если говорить языком понятным – отправили старика умирать домой.

Нинка отца и привезла. А пока он болел, до самой его смерти неотлучно находилась рядом. Хоронили старика всей деревней. Мужики, что для нашего времени совсем не характерно, по очередности, меняя друг друга, несли на руках тело усопшего до самого кладбища.

После похорон Нинка окончательно перебралась в город. Отцовский дом она продала москвичам-дачникам и в деревне больше не появлялась.

А еще через год на кладбище села Угрюмиха над могилой Александра Николаевича появился темно-красного цвета православный гранитный крест с необычной для местного кладбища надписью, сверху крупно: «Раб Божий Александр». И всё, никаких больше сведений. Только внизу у самого основания золотыми буквами, но помельче – «Прости меня, папочка».

Мечтатели

Понедельник, четвертый день от начала нового года. Страна гуляет, а мы с Алексеем Ивановичем мчим по федеральной трассе. Иваныч за рулем, машину водит уверенно и всегда быстро. Вот, тоже, парадокс. Мой спутник – человек по природе вальяжный и медлительный, а за руль сядет – и превращается в гонщика. Еще одна характерная особенность: он никогда не ругается, даже если его «бумер» невзначай и подрежет какой-нибудь неопытный «чайник».

Алексей Иванович переехал к нам из Москвы. Купил сразу за деревней кусок земли и построил большой красивый дом. Все выходные и положенный по закону отпуск человек проводит в деревне. И никакая заграница его не прельщает.

– Не могу уже по-другому. Как только пятница вечер, всё бросаю и мчусь к себе домой. И дом мой теперь не в столице, а здесь в деревне. На днях задумался. Представь, подо мной большой коллектив, людей не меньше сотни, приличный бюджет. Каждый день я что-то решаю и делаю какие-то реальные вещи. Работаю неплохо, а чувства удовлетворения от результатов своего труда не испытываю. Даже когда вручают грамоты и хвалят на совещаниях.

Сюда приедешь, и вот полдня стругаешь какую-нибудь дощечку, обрабатываешь ее наждачной бумагой. Ломаешь голову, в какой бы ее покрасить цвет. Наконец к стенке где-нибудь в гараже прикрутил, жене показал и радуешься.

Вроде мелочь, ерунда какая-то, а радуешься. Понимаешь, что ты нормальный рукодельный мужик. Лопату можешь на черенок насадить, косу наточить при необходимости. Вообще много чего умеешь.

Постепенно Иваныч понавез из столицы в свой дом множество разных технических приспособлений, станков, инструментов. Я осматривал его мастерскую и всё удивлялся:

– Алексей, а станок по дереву тебе зачем? Матрешек на пенсии точить?

– А что? Пусть будет. В хозяйстве пригодится. Глядишь, и для храма что-нибудь выточу. Я смогу. Потренируюсь немного, и запросто.

Не знаю, какой из него получится токарь, тем более по дереву. Но повар он уже отменный. Особенно хорошо ему удастся узбекский плов из баранины. Причем готовит он его всегда неожиданно, заранее никого не предупреждая. Позвонит только накануне, поинтересуется, постный день или нет, а назавтра привозит в храм большую кастрюлю еще горячего, только-только приготовленного плова.

Со временем рядом с домом Иваныча выросла целая улица. И в каждом доме кто-то что-то мастерит, пилит, колотит. Со знакомой разговорились, они как раз здесь же рядом построились.

– Мне даже неудобно. Придем с мужем в поселок детей навестить (мы как в дом переехали, оставили им свою квартиру), так что ты думаешь – пару часов посидит, и всё, назад собирается. Лихо ему в квартире, места себе не находит, заняться мужику нечем.

Перед въездом в населенный пункт как обычно, на своем излюбленном месте «дежурят» гаишники. Новогодние праздники, самое время напомнить расслабившимся водителям, что есть еще кто-то, кто несет службу и продолжает вести учет разрешенным промилле.

Сегодня они, не чинясь, останавливают всех без разбору, благо что машин в эти дни на дорогах немного. Тормознули и нас. Младший лейтенант, азартно отсалютовав рукой, представился привычной скороговоркой. В конце:

– Как-то подозрительно у вас в салоне пахнет, уважаемый Алексей Иванович.

Потом вопрос:

– Скажите, положи руку на сердце, когда вы последний раз употребляли спиртные напитки?

Иваныч не спеша достает смартфон и открывает календарь. Делает вид, будто что-то высчитывает, затем выдает:

– Последний раз спиртные напитки, юноша, я употреблял пятого августа одна тысяча девятьсот восьмидесятого года.

Теперь уже младший лейтенант задумался и, прикинув, почесал в затылке:

– Ну это вы загнули, уважаемый! Меня тогда еще и в проекте не было. А чуть позже, в течение нового уже две тысячи шестнадцатого, неужто не удосужились, и даже шампанского не пригубили?

Иваныч, уже в мою сторону:

– Вот кому ни скажу, никто не верит. А ведь это чистойшая правда. Хотите, можно и проверить.

Я шучу:

– Видите, товарищ постовой, мы народ законопослушный, сами не пьем, аж с тысяча девятьсот восьмидесятого года, и пьяниц презираем!

Гаишник, решив не связываться, снова отсалютовал и вернул документы.

Иваныч ведет автомобиль. Сперва молчит, потом неожиданно выдает:

– А я их не презираю.

– Кого, Алексей?

– Да пьяниц этих. Ты сказал, что мы пьяниц презираем. Так вот я их не презираю, хотя последний раз напился именно пятого августа того самого года, когда закончилась московская Олимпиада. Три дня «мишку с шариками» провожали, потом пришел в себя и сказал: «Всё, хватит! Иначе гибель». С тех пор ни грамма.

– Так это я к слову, про пьяниц-то. На самом деле и мне их жалко.

Едем дальше. Иваныч продолжает:

– Сегодня во сне шефа своего бывшего видел. В этом году уж шестнадцать лет как помер. Хороший мужик был, только выпивающий. Помню, часто вспоминал свою родину, село где-то в Рязанской области. Как мальчишкой мечтал жить в большом городе, как приехал в Москву, учился, стал врачом. Интересный был дядька, про таких говорят «рефлексирующий», то бишь совестливый.

Как врач он себя особо не проявил, хирург как хирург, звезд с неба не хватал, зато организатором оказался выдающимся. Став главным врачом крупной московской клиники, вскоре сделал ее в городе одной из лучших. Специалисты его уважали и держались за место в коллективе, а он старался оправдать их доверие.

Меня он взял к себе на место помощника вскоре после того, как я защитил кандидатскую. Как и остальные, я считал его вполне удачливым чиновником от медицины, потом еще и бизнесменом. Квартира в Москве в самом центре с окнами прямо на Белый дом. Знакомства, общение соответствующее.

Этим он никогда не бравировал, зато любил рассказывать о своем соседе по подъезду. Тот, будучи известным актером, снимался в одной из главных ролей в советском еще телефильме «Семнадцать мгновений весны». Как начнут повторять сериал по телевизору, столкнутся соседи на лестничной площадке, и начинается: «Снова вас на рабочем месте показывали». – «Да, мы видели». – «Передавайте от нас поклон штандартенфюреру Штирлицу. И, пожалуйста, там у себя, в подвалах гестапо, будьте поаккуратней с Максимом Исаевичем. Все-таки наш человек» – и смеются.

Шеф сам был вполне доволен и собой, и судьбой. Пропадая все дни на работе, он редко куда-нибудь выезжал, вполне обходясь возможностью день-другой провести в подмосковном профилактории для медработников.

Всё изменилось в октябре девяносто третьего года. В те дни Николай Сергеевич, так звали моего шефа, в своей квартире стоял у окна и смотрел, как танки прямой наводкой бьют по

Дому Правительства. Но сломало его даже не это. Последней решающей каплей стало избивание молодых солдатиков, стоящих в оцеплении у стен Белого дома.

Он видел, как его ровесники и люди много старше, с палками и кусками арматуры в руках, толпой набросились на мальчишек в форме и принялись избивать безоружных. На его глазах убивали вчерашних детей, убивали с остервенением. Он видел, как один старик, уже отходя от лежащего на земле человека, обернулся и заметил, что тот еще подает признаки жизни. Тогда старик вернулся и добил солдата по голове палкой.

После тех октябрьских событий он, всю жизнь спасавший человеческие жизни, резко запил.

В то время я уже был вхож к нему в дом. Меня он почему-то не стеснялся, но из сослуживцев пьяным его больше никто не видел. На работе Николай Сергеевич появлялся всегда как стеклышко и никогда не злоупотреблял.

Дома напьется, позовет меня и давай: «Ты молодой, ты умный. Скажи, объясни мне, как они могли убивать этих пацанов? Ведь нормальные же люди, пенсионеры, наверно. У самих дети, небось, уже и внуки. Жили себе, работали. На дачи ездили. Коммунизм строили, „наши дети – наше будущее“, а потом раз – и давай убивать. И кого?! Мальчишек!

Всё, Леша, не могу я так больше. Я же врач, я лечить обязан. Вот этих самых стариков в первую очередь. А я им не верю. Своему поколению не верю. Не верю, что мы такие хорошие да заслуженные. А какой врач без веры? Без веры уходи.

Теперь жалею, зачем из деревни уехал? Был бы сейчас ветеринаром, делал бы коровкам прививки. Они хорошие, коровки, добрые, в них не разочаруешься.

Я чего надумал, Алеша, и ты мне в этом деле поможешь. Дом хочу себе купить, где-нибудь под Москвой, но в нормальной живой еще деревне. Баню построю, теплицу, парники. И всё своими руками буду делать. Потому что я мужик, Леша, не убийца какой-нибудь, а нормальный деревенский мужик.

Мне, Леша, точка опоры нужна. Я снова должен поверить. В людей поверить, Леша. А чтобы поверить, нужно возвращаться в детство, и всё начинать сначала».

Месяц прошел, может два, уже не помню. Шеф интересуется: «Ты что-нибудь слышал про такую деревню?» – и произносит название. «Слышал, – отвечаю, – у моей тещи там дача неподалеку». – «Тогда едем, покажешь. Мне в этой деревне предлагают дом купить».

Мы ездили смотреть этот дом. Большой, деревянный, с пятнадцатью сотками приусадебной земли. Николаю Сергеевичу дом понравился. Он все ходил и ходил по участку, мечтая, как поставит здесь баню и еще теплицу.

«Зимой печку буду топить. Жену научу хлеб, пироги печь. Куплю себе ватник. Или нет, два ватника. Один для работы, а второй на выход, по деревне гулять. Сапоги пошью, нормальные, чтобы по осени было удобно в них грязь месить.

Эх, Леша, ты бы знал, какая у меня на родине земля. Во земля, живая, жирная! Взял в руку, сжал кулак, так она сквозь пальцы, словно масло, течет.

Под окошком лавочку вкопаю, и будем мы с моей Марией Ивановной сидеть на этой лавочке, глядеть на улицу и семечки щелкать».

Потом подошел к крыльцу. На ступеньку сел, привалился плечом на перила и застыл. Сидит в небо смотрит. «Хорошо-то как, а, Леша. Земля, деревья, дом. Вот так бы и помереть. Чтобы в ватнике, сапогах кирзовых, опершись плечом на деревянное крылечко».

В самом деле шеф привел дом в порядок. Первым делом отремонтировал печку. И баню себе построил, и теплицу поставил. Как и мечтал, всё успел.

Однажды вечером в субботу звонок. Трубку поднимаю, а это Мария Ивановна: «Алексей Иванович! Николаю плохо! Не знаю, что делать, пожалуйста, приезжайте».

Я бегом за руль и в деревню. По ходу вызвал скорую помощь, объяснил, как добраться. Кроме меня, никто из наших не знал, где у шефа дача. Приехал раньше скорой. Бегу в дом и

вижу: сидит на крыльчке мой Николай Сергеевич. На нем ватник, кепка с козырьком и кирзовые сапоги. Уткнулся лицом в перила, да так и умер.

Я смотрел на него мертвого и вспоминал, как он мечтал умереть, словно простой деревенский мужик, в телогрейке и сапогах.

Еще вспомнил, как незадолго до смерти приглашал он меня к нему в деревню и просил приготовить настоящий узбекский плов. Я вырос среди узбеков. От них научился готовить восточную пищу. Я обещал, но постоянно откладывал. Теперь жалею и понимаю, что всё надо делать вовремя.

Сегодня во сне его видел. Будто захожу к нему в дом, а он у него большой-большой. Сергеевич стенку оштукатурил и кладет на нее плитку. Хорошо кладет, быстро. Я ему: «Николай Сергеевич! Вам нельзя, вы же практикующий хирург! У вас руки...».

А он смеется, показывает свои руки и отвечает: «Руки как руки, Леша! Рабочие руки нормального рабочего человека. Я в этом доме четыре дня в неделю плитку кладу. Ты знаешь, мне нравится».

Я вот и думаю, батюшка, может, он там в той жизни занимается тем, о чем всегда мечтал? А? Может, это у него рай такой?

Прощаясь, Алексей Иванович поинтересовался моими планами на следующий день.

– С утра молебен, а потом уборка храма? Это вы к какому часу управитесь? Ну, к двенадцати нормально. Успею.

Передай там вашей поварихе, обед пускай не готовит. Я завтра плов привезу.

Потерявшие рай

Странник

Перед самым моим отъездом в Беларусь неожиданно позвонил Питер. Еще прошлым летом его из Москвы перевели в представительство их фирмы в Нью-Дели, проводы тогда затянулись, и все облегченно вздохнули, когда он наконец уехал. Но жив курилка, и вот снова в моей трубке голос со знакомым акцентом:

– Да, специально лечу «Аэрофлотом», чтобы иметь остановку в Москве. Хотелось бы увидеться. О, ты едешь в Беларусь? На машине?! Это так прекрасно! Я люблю путешествовать на машине, останавливаться по дороге, пить кофе и смотреть на людей. Надо стараться находить радость во всем, так что и ты обязательно останавливайся, и самое главное, пей кофе. Оно, как это по-русски, о, бодрит!

Конечно же, надо. Да и как не останавливаться, если вместе с тобой в машине двое грудничков. Два часа в дороге – час с малышками бегаем по травке, благо в Беларуси таких оборудованных мест вдоль дорог хватает. В тот раз, вняв совету моего немецкого друга, я заранее решил завернуть на отдых в удивительно красивое место, а именно в маленький белорусский городок под названием Мир. Тем более что это всего восемь километров в сторону от центральной трассы.

Место, в самом деле, замечательное. Во-первых, это средневековый замок, который строили еще легендарные литовские магнаты Радзивиллы. Почитаешь путеводитель, одни имена чего стоят: Николай Радзивилл Сиротка, Кароль Радзивилл по прозвищу Пане Коханку. Род владел многими городами и селами по всему Великому княжеству Литовскому и был фантастически богат. Их центральная родовая усадьба находилась здесь же, всего в двадцати километрах, в Несвиже, а Мирский замок служил им в качестве охотничьего домика.

Кто-то скажет, что целый замок для таких целей как бы великоват, но нужно хоть немного знать, что тогда собой представляла охота Радзивиллов. Сколько удалцов в ней участвовало, а уж обслуживающей их челяди с гончими псами, тех и вовсе без счета. Во время многочисленных войн род князей Радзивиллов одной только конной шляхты выставлял до тысячи человек.

Сегодня замок в таком идеальном состоянии, что так и кажется: еще минута-другая, и вон из-за того костела, что на пригорке, появятся всадники. Ворота откроют, и вся кавалькада, не сбавляя ходу, промчится внутрь.

В замке есть всё – и камеры для узников, и сведения о найденных археологами скелетах в старинных латах, призраки и, конечно же, многочисленные легенды. А там, где есть легенды, туда валом валют и любопытные туристы. Правда, в замок на этот раз мы не пошли. Нужно было кормить детей и хоть немного с ними погулять. Замок, дворец – всё это очень красиво, но парк и большой пруд, что рядом с ними, прекрасны не менее. И здесь же в парке с начала прошлого века стоит часовня, усыпальница князей Святополк-Мирских.

Вот перед этой часовней, а вернее, перед огромным мозаичным образом Спасителя, что расположился высоко над главным входом, я способен простоять долго-долго. Эта мозаика неизменно вызывает у меня чувство радости, а почему, объяснить не могу.

Еще ребенком, в далекие советские годы, я с удивлением обнаружил, что многочисленные памятники Ленину повсюду разные. В той же столице Монголии все три года, пока мы жили в Улан-Баторе, в меня вглядывался Ильич с лицом чистокровного монгола, в других местах он становился русским, а где-то калмыком.

И так везде, каждый народ накладывает на черты известных персонажей что-то свое, характерное. Та же закономерность просматривается и при изображении святых, Пресвятой

Девы, и даже Христа. Хотя до нас дошел хрестоматийный образ Спасителя, списанный с Туринской плащаницы, и тем не менее Его везде рисуют по-разному. Именно здесь, в удаленном уголке Беларуси, находится образ Христа-белоруса. Самого настоящего крестьянина-полещика.

Поставив автомобиль на стоянку, мы подошли к ларьку купить мороженое. Расплачиваясь с лоточником и слышу где-то сбоку:

– Люди, подходите! Смотрите, сколько я для вас придумал всяких замечательных вещей. Подходите, покупайте. Не жадничайте! Все-таки какая-то память о Мире останется. Возьмите хоть эти магнитики, я их сам для вас делаю.

На маленьком стульчике возле импровизированного столика с многочисленными «пятакми» из глины сидит человек лет сорока пяти. Он явно выпивши, длинные свалывшиеся волосы, несвежая рубашка.

На улице под тридцать, а он, устроившись на самом солнцепеке, устало приглашает многочисленных туристов взглянуть на его продукцию. К нему никто не подходит, хотя конкурентов нет. А на глиняных магнитиках довольно искусно вырезаны контуры Мирского замка.

– Не купляйте его магнитики, – заметив мой интерес, предупреждает лоточник.

– А что так?

– Они у него бракованные, к холодильнику не цепляются.

– Люди, – зазывает покупателей продавец магнитиков. – Вы не смотрите, что я выпимши. Это же не от хорошей жизни. А вообще у меня отличная семья, и сыновья отличные. Старший – художник.

Человек затягивается сигаретой и блаженно улыбается, точно видит перед собой своего старшенького.

– Настоящий художник, не то что я. Картины пишет, во какие, – и выставляет вверх большой палец правой руки. – Влет продаются, в Европе на аукционах. Да я не вру, ей-богу, – крестится. – А младший физик. Пока еще, правда, молодой, но все говорят, очень талантливый. Очень.

– Опять брешет.

Это снова лоточник.

– Вчера у него было две дочери. И тоже талантливые, внуками хвастался. На самом деле он просто бомж. Живет тут у одного местного в сарае и делает свои поделки. Ты его спроси, он и имени-то своего не помнит, но так-то вообще безобидный.

Часа полтора мы провели в Мире. Лизонька бегала босичком по травке, а потом прыгала со ступеньки на ступеньку по парадной лестнице, ведущей вверх к часовне князей Святополк-Мирских. Поленька спала здесь же на лавочке возле пруда, а мы пили чай из термоса и с интересом рассматривали проходящих мимо людей.

Наконец жара стала спадать, и мы решили двигаться дальше. Наш самолет вылетал из минского аэропорта лишь завтра утром, номер в гостинице был заказан заранее, потому никто из нас никуда не спешил.

Подхожу к стоянке, и снова все тот же голос:

– Люди, что же вы все проходите мимо? Ну не хотите покупать, не надо. Хоть посмотрите, я же для вас стараюсь. Нельзя же быть такими равнодушными.

– Ты куда? – это мне уже матушка.

Я подхожу к столику с магнитиками и выбираю глиняный кружок с «Погоней», древним гербом Великого княжества Литовского.

– К холодильнику прилипнет?

– Должен, но не гарантирую. А не прилипнет, так ты его поставь куда-нибудь на полочку. Хочешь купить, серьезно?

Вручаю матушке «Погоню» и усаживаюсь за руль. Та внимательно ее рассматривает и молча слушает мой маленький экскурс в историю белорусской геральдики.

– Зачем ты это купил? У нас что, мало разного хлама?

– Нет, просто мне его стало жалко. Не нравится – выкинь в окошко.

В ответ матушка хитро улыбается:

– А я знаю, почему ты пожалел этого богемщика.

– И почему?

– Потому, что ты такой же. Все вы: актеры, художники и писатели – одним миром мазаны. Никто у этого алкаша ничего не покупает, один ты специально подошел и купил. Значит, ты такой же, как и он. Правильно говорят, рыбак рыбака видит издалека.

С заднего сиденья отзывается дочка, зажатая между двух детских кресел, она следит за детьми и прислушивается к нашему с мамой разговору:

– Представляю, лет этак через десять, нашего папу с таким же синим носом, где-нибудь перед Лаврой торгующего своими книжками.

Все засмеялись, даже маленькая Лизавета, и та предательски хихикнула.

Через десять лет. Это большой срок, девочки. Чуть больше десяти лет назад я стал священником, а до того именно за десять лет, резко изменив привычный уклад жизни, неожиданно для себя устроился работать на железную дорогу. И только сегодня понимаю, как дороги мне те годы, проведенные мной на железке.

Тут же вспомнились ребята, с кем проработал всё те же самые десять лет. Помню, пришел к нам в бригаду один парень лет около тридцати. Веселый и, как все люди небольшого роста, задиристый и немного смешной. Далеко не сразу мы узнали, что наш Ромка полтора года своей жизни провел в Афгане и даже имеет боевой орден Красной Звезды. Он воевал пулеметчиком, их блокпост находился на одном из высокогорных перевалов и прикрывал единственную в тех местах дорогу. За полтора года ему многое пришлось пережить, но, оказалось, что главное испытание ожидало его впереди.

Демобилизовавшись, Роман пошел работать на ту же ткацкую фабрику, где всю жизнь трудилась его мать. Отца Ромка не помнил. Втроем вместе с мамой и сестрой они ютились в крошечной однокомнатной хрущевке. И только проработав два года на фабрике, он узнал, что как ветеран афганских событий и орденоносец имеет право на внеочередное получение жилья. Короче, где-то через год их семья переехала в новую трехкомнатную квартиру. После этого Рома наконец женился. Время шло, сестра тоже вышла замуж и переехала к мужу в его просторную «двушку». А после смерти матери предъявила брату права на половину их семейного жилища.

Роман предложил сестре выплачивать ежемесячно определенную сумму и таким образом рассчитаться с ней в течение нескольких лет. Та поначалу согласилась, но вдруг изменила решение и потребовала деньги немедленно. Рома стал оформлять кредит, но не успел.

Недели не прошло после их последнего разговора с сестрой, как кто-то вечером позвонил к нему в дверь. Наш товарищ, не глянув в глазок, безбоязненно открывает, тут же получает удар ногой в грудь и летит в противоположный конец коридора, а в квартиру входят трое, женщина и двое мужчин. Молча они проходятся по комнатам, рассматривают планировку, интересуются видом с балкона. Тот факт, что кроме хозяина, который в это время приходил в себя, валяясь на полу рядом с туалетом, в квартире находились еще и его жена с маленьким ребенком, их совершенно не волновал.

«Мне нравится, – соглашается женщина, утвердительно кивая головой, – переезжаем, но предварительно здесь нужно будет сделать приличный ремонт».

К Ромке подошел тот, кто только что поздоровался с ним столь оригинальным образом, и бросил на пол перед ним связку ключей: «Обо мне ты наверняка слышал, – и он назвал имя, которое обыватели в их городе предпочитали громко вслух не произносить. – Так что мой

тебе совет, не ерепенься, парень. Вот ваш новый адрес. Нормальная общага, втроем вполне поместитесь. У вас неделя на переезд».

В милицию Роман, конечно, не пошел, это бы только продлило агонию. Решил защищаться самостоятельно. А Серега, тот в нашей смене башмарем работал, как узнал о Ромкиной беде, тут же в ночную смену принес на работу наган и к нему с десяток патронов: «Вот, держи, дедов, еще с гражданской войны. В деревне на чердаке нашел. А что, лежит себе и лежит, он каши не просит. Как говорится, в кулацком доме и пулемет не помеха».

Бывший пулеметчик, полтора года честно исполнявший свой интернациональный долг, первым делом постарался обезопасить семью. Сергей и здесь помог, отвез и спрятал их у себя в деревне.

Оставшись один, Ромка двое суток просидел с пистолетом у себя в квартире. Но, поразмыслив, пришел к выводу: даже если он и завалит кого из бандитов, в первую очередь от этого пострадают его же близкие. Не вернуться им потом к нормальной человеческой жизни.

Это в американских боевиках такие истории оканчиваются хеппи-эндом. У нас всё будет прозаичнее и куда как беспощаднее. Уж если единственная сестра, польстившись на деньги, «заказала» родного брата вместе со своим маленьким крестником, то куда больше. Орденосец смирился с обстоятельствами и вернул наган владельцу.

И правильно сделал, через несколько лет им все-таки повезло вновь приобрести нормальное жилье. А так забыли бы и как звали. Сколько у нас по лесам таких безымянных могил.

Серега – тот больше всех соперничал Ромкиным проблемам. А всё потому, что квартирный вопрос для него по жизни был самым главным. Из-за него, а вернее из-за нее, любимой трехкомнатной, он так и не женился.

Серега вообще человек такой, весьма своеобразный. Во-первых, шутник и балагур, каких мало. С ним всегда было легко общаться, хотя бы потому, что он никогда не заводил разговор о деньгах. Только эта его внешность, как я сейчас понимаю, во многом была обманчива. Сергей много читал и мог рассуждать на самые разные темы. Человеком он был глубоким и одновременно болезненно стеснительным.

Друзей он почти не имел, а самый его близкий, еще армейский, приятель жил с семьей в Москве, и Серега к нему частенько навещался. Однажды он мне рассказывает: «Знаешь, сколько лет уже бываю у своего друга, и за всё это время я к ним ни разу не заходил в туалет. Хоть иногда остаюсь ночевать». – «А что, разве так можно? Как же ты обходишься?» – «У них там во дворе кустов полно. Я и приспособился. Выйду во двор, вроде как воздухом подышать, а сам нырк в заросли. В квартире перегородки тонкие, всё слышно, а мне перед женой друга неудобно».

Лучше бы он мне ничего не говорил. Потому что с тех пор, вот уже много лет, бывая в столице и проходя московскими дворишками, всякий раз обязательно вспоминаю про тот наш с ним разговор. И уже автоматически начинаю оценивать обстановку с той позиции, а мог бы мой товарищ Серега примоститься здесь, в этом дворе, и справить нужду.

И еще у него была одна странность – мужику хорошо за тридцать, а он даже и не думает жениться. Стоит только с ним на эту тему заговорить – «Жениться?! Нет. Какой из меня муж? Да и умру я уже скоро, отец-то мой совсем мало прожил. Не хочу сирот оставлять». Или начинает: «Не получается у меня ничего, не смотрят в мою сторону девчонки». – «Сережа, что ты всё придумываешь?! Ты парень видный, тем более без вредных привычек. За тебя любая пойдет. Да и не знаю я такого мужика, задумай он создать семью, и чтобы не смог найти себе подходящую пару. У нас с тобой, как у тех паучков – только от кого сигнал прошел, мол, достала меня эта холостяцкая жизнь, так тут же на зов кто-нибудь мчится».

Неправильно ты, Серега, живешь. У каждого мужчины должна быть своя женщина, и дети должны рождаться. Плохо без детей, теряется смысл жизни».

«Ну да, про паучков это ты в самую точку. Смотрю на моих одноклассников, так уже почти все развелись. И их бывшие жены только тем и занимаются, что сосут из них алименты. А у меня, кроме всего прочего, еще и отличная трехкомнатная квартира, на нее охотницы косяком идут, как акулы на запах крови. Только ничего у них не выйдет, квартира моя, и точка. Бабы самые подлые существа на свете, в этом я только всё больше и больше убеждаюсь. Вон, одна только Ромкина сестрица чего стоит».

Много мы с ним на эти темы спорили, благо ночи зимой длинные. И о вере говорили, и о смысле жизни. Но, как я ни старался, Сережа в храм не пришел. Правда, согласился-таки прописать в своей квартире сиротку племянницу, дочь погибшей сестры. До наших с ним разговоров он бы и этого делать не стал.

После того как я стал священником, с Сергеем мы виделись всего один раз. Я ему даже позавидовал, мускулистый, подтянутый, словно и не было десяти лет разлуки. Он снова по привычке шутил, только глаза, как всегда, оставались грустными.

Недавно, буквально накануне поездки в Беларусь, подвозил знакомого доктора, а он вдруг стал рассказывать мне о Серее: «Знаете, батюшка, лечился у меня один пациент. Поясницу прихватило, и он в течение двух лет периодически приходил ко мне на массаж. Человек очень тактичный, вежливый. Сергей... – и он назвал фамилию моего приятеля. – Сергей увлекался восточными единоборствами и буддийской философией. Однажды мы вместе с ним у него в деревне в бане парились. Он просто жил Востоком. Кстати, тоже работник железнодорожной станции. Я сказал, что мы с вами знакомы, обрадовался, помнит вас и просил передать привет». – «Давно?» – «Еще в прошлом году. А этой весной он, знаете, пропал. Поехал в Москву и больше не вернулся. Подали в розыск, но прошло уже полгода, а вестей никаких».

Есть, правда, одна зацепка. Разговаривал с его мамой, оказывается, племянница, которую он когда-то у себя приютил, выросла и привела в дом сожителя. Сергей воспротивился, и тогда они принялись выживать Сережу из его же квартиры. Ему постоянно угрожали. Бывало, какие-то темные личности поджидали его у подъезда. Однажды сильно избили. А потом он и вовсе пропал. Но тело не нашли».

Сейчас всё чаще рассказывают о людях, странным образом потерявших память. Может, и с нашим общим знакомым произошло нечто подобное. Жалко, хороший был человек.

Возвращаясь из Мира, мы неспешно ехали по направлению к шоссе Брест – Москва, намереваясь продолжить наше путешествие к Минску. Я ехал и думал о своем товарище. А что, вполне может быть, что и не убили, и племянница с сожителем тут ни при чем. Может, надоел Серега своими причудами московскому дворнику таджику. Подловил он того, кто гадит в кустах на вверенной ему территории, и врезал тому по голове лопатой. Вот и бродит Сережа по городам и весям, забыв, кто он такой и откуда.

Десять лет срок немаленький. Это только кажется, мол, прожил жизнь, оглянулся – и где они, мои годы? Промчались так незаметно. С другой стороны, жизнь тянется очень долго, и десять лет – это много.

– Эх, друг мой, – оборачиваюсь я к дочери, – от тюрьмы и сумы не зарекайся. Никто не знает, что с нами будет еще через десять лет. Вполне возможно, что и я, расстелив на земле газетку, стану предлагать народу свои незамысловатые рассказы, как и сегодня на блошинных рынках всё больше молчаливые люди торгуют книжками давно забытых авторов, из той уже прошедшей эпохи.

От грустных мыслей меня отвлек звук внезапно завывшей сирены милицейского автомобиля. Прижимаюсь к обочине. Тут же сзади нас догоняет огромный красавец крайслер с переливающимися огнями проблесковой панели. Он, точно ледокол, шел прямо по разделяющей полосе, а за ним, но в положенном ряду спешил угнаться небольшой серебристый минивэн.

Куда он так мчится? Через две минуты они уже выскочат на магистраль, а там можно и сто двадцать. Дорога пустая, нет смысла в сопровождении. Эх, этот бы крайслер да к нам,

в Москву, или запустить его по второму кольцу в декаду созревших помидоров. Вот бы где человек наслаждался властью.

Интересно, что за люди едут в этом минивэне? Раз им такое почтение, значит, они не такие, как мы. Они твердо стоят на земле и не страшатся завтрашнего дня. Наверно, и едят они слаще нашего. Хотя, куда слаще? Это раньше и майонез с зеленым горошком были в дефиците, а сегодня для нас, кто еще помнит то время, любой супермаркет всё одно что волшебная страна Эльдорадо. Расскажи мне кто об этом изобилии лет двадцать назад, я бы не поверил. Может, они и одеваются как-нибудь по-особенному? Ну там, от Пьера Кардена или Версаче. А как это «от Версаче»? Увижу и не отличу.

Вскоре мы их догнали. Крайслер с сопровождаемым минивэном, решив заправиться, свернули с автомагистрали, ну и мы туда же. Видел я этих людей, они в кафешке, что при заправке, кофе пили. Специально поближе подошел и рассматривал их украдкой.

Нет, такие же, как и мы, из плоти и крови, одеты по-человечески, и кофе пьют точно такой же. Значит, и они, как и мы, испытывают страх, способны радоваться и могут плакать.

Так, о чем это я? Ах, да, о Сереге. Интересно, где он сейчас? Если жив, конечно. Нет, я гоню от себя эту мысль и не хочу верить в его гибель. Может, и он сейчас тоже магнитиками торгует и рассказывает проходящим мимо о своих неродившихся сыновьях? А может, на самом деле отправился странствовать? А что, душа созрела, махнул на всё рукой и пошел. Только, чтобы на такое решиться, нужно быть по-настоящему человеком свободным.

Доктор сказал, что последние годы он серьезно увлекался восточными единоборствами, и еще много читал. Всё может быть, ведь десять лет прошло после тех наших с ним разговоров, а это срок немалый. Ко Христу через буддийский Восток. В мое время этим путем шли очень многие.

Земля круглая, Сережа. Кто знает, может, мы с тобой еще встретимся. Или вы его встретите. Он такой сухопарый, чуть выше меня ростом, с приличной залысиной. И еще он очень добрый и балагур.

Встретится, денег ему не предлагайте. Да они его и не интересуют. А вот хлебом с Серегой, хлебом поделитесь, если, вам, конечно, не жалко.

Когда-нибудь я стану кошкой

Умер мой сосед. Старый одинокий человек. Он был немного не в себе. Жил отчужденно. Собирал на помойке хлеб и скармливал его голубям. Еще постоянно кормил кошек. Относился к своим питомцам ревностно и никому больше не разрешал их подкармливать. За кормом специально ходил в магазин, и каждая кошка получала от него что-то свое особенное. Зная, что я священник, он никогда не разговаривал со мной матом. Завидев меня идущим ему навстречу, мог перекреститься. Но и мне от него доставалось, если я делал попытки скормить его кошкам прокисшую сметану. Хочешь кормить, корми возле своего подъезда, а к моему не суйся.

Полгода назад у него в городе Иванове умер единственный сын. В обед, как обычно, старик вышел кормить своих кошек. Разложил еду по мискам и почувствовал себя плохо. Прилег на лавочку и уснул, а кошки облепили его со всех сторон и согревали своими телами. «В чем застану, в том и сужу». Наверно, теперь он станет кошкой. А может, он ею уже был... хорошей доброй кошкой...

Мне всегда хотелось понять, как люди «становятся кошками».

На самом деле коты, как никакие другие живые существа, за исключением, может быть, только собак, сблизилась с человеком настолько, что уже невозможно представить наше существование без них. Кошки живут с нами и становятся похожими на нас. И в поступках своих и даже в мотивации. Дочь вспоминает, как в детстве наша кошка Шунька носила на ночь к ней в постель своего котенка. Видимо, матушка поставила коробку для котенка в продуваемом месте. Котенок не мог согреться и беспокоил кошку, вот она и уносила малыша в постель к человеку. Так как дочкина комната была ближе всего, вот к ней она его и подбрасывала. А дочке это нравилось, она думала, что Шунька любит ее больше всех. Недавно вспоминали с ней нашу кошку, и дочь, мама двоих школьников младших классов, сказала:

– Теперь-то, сама, став матерью, понимаю, что Шуньке просто хотелось от него немного отдохнуть.

Один человек рассказал мне историю, которая реально ставит меня в тупик. Иногда я к ней мысленно возвращаюсь, но объяснить ее у меня не получается. Создается впечатление, будто в результате многовекового нашего с котами совместного существования с последними происходит что-то похожее, если можно так сказать, на эволюцию очеловечивания.

В деревне в одном частном доме жил кот. Кот, как и положено деревенскому коту, ловил мышей и, что еще очень ценно, умел охотиться на крыс. Жил кот одновременно на улице и в доме. Во всяком случае, он сам выбирал для себя место базирования. Хозяева уважали его самостоятельность и относились к коту с почтением. Время шло, животное состарилось. Кот начал болеть и в конце концов помер. Хозяйка решила, что кота нужно похоронить с почестями, подобающими заслуженному охотнику. Гроб ему мастерить не стали, но специально для этой цели она приспособила большую картонную коробку из-под обуви. И попросила мужа пойти закопать коробку с котом где-нибудь на природе. Муж так и сделал.

Прошло несколько дней, и хозяйка стала видеть странные сны с неизменным участием в них умершего кота. Во сне кот подходил к женщине. Сперва он к ней ласкался, потом выпускал когти и преобладающе хватал за ноги. Всё это хозяйке казалось странным и даже глупым. Во всяком случае, мужу рассказывать о них ей было неудобно. И все-таки пришлось. Тогда они вместе пошли на место, где мужчина закопал коробку с котом. И обнаружилось, что видимо лиса, учуяв из-под земли кошачий запах, раскопала могилу, добралась до коробки и разорвала ее когтями. Тронуть лиса ничего не тронула, а набезобразничала и ушла. Женщина с мужем, обнаружив могилу разрытой, вновь закопали кошачьи останки и сверху закидали место большими камнями. С тех пор кот больше «не приходил».

Раньше что-то подобное мне доводилось слышать о провалившихся на кладбищах могилах или о погребениях, поврежденных огнем, когда близким во снах являлись усопшие и напоминали о себе. Люди действительно шли на кладбища и приводили захоронения в порядок. Но чтобы коты после смерти так навязчиво требовали уважительного отношения к их останкам, о таком я еще не слыхал.

Кошки всё больше становятся похожими на людей. Всё чаще хозяева животных выкладывают в интернет забавные ролики с осмысленными действиями их питомцев. Это удивляет, вызывает смех, но не более. Сообразительные зверьки, живя рядом с нами и подражая нам, хотя бы они того или нет, начинают повторять наши действия. Но даже при всем желании зверь никогда не станет человеком.

Меня всегда ставило в тупик другое: как человек, царь природы, существо, наделенное разумом и бессмертной душой, «превращается в кошку», становясь их самым преданным поклонником? Знаю людей, у которых в коммунальных квартирах обитают десятки кошек, но им этого мало. Они только и заняты тем, что решают проблемы всего кошачьего племени, проживающего в округе, спуская на них все свои деньги. Соседи иногда тихо, а порой откровенно ненавидят людей, «ставших кошками», всячески им мешают, а они, стоически переживая конфликты, упорно продолжают кормить бездомных животных.

Не так давно одна женщина поделилась со мной историей, ставшей поворотной в ее отношении к кошкам. Жила у них в доме кошка Муська. Существо нелюдимое, хоть и домашнее. Терпеть не могла, чтобы ее гладили. Хозяевам она еще прощала панибратское отношение, но от чужих не выносила категорически. Спать предпочитала в кладовке на собственном коврике. И никакими коврижками ее не заманить было улечься на подушку рядом с хозяйкой. Дверь в кладовку была постоянно открыта, и я бы посмотрел на того человека, который попытался бы ее закрыть. Так и жила бы кошка до самой своей счастливой кошачьей старости, если бы однажды не поссорились между собой хозяйка с хозяином.

В отместку жене муж той женщины стал от нее откровенно гулять, обзывал обидными словами и безобразничал. Накрыв человека злой морок, и целый год он в нем находился, а жена страдала. Мучилась так, что на нервной почве волосы полезли клоками и нарушилось всё женское естественное. Спать они стали каждый в своей комнате, вместе только столовались на кухне, и то всухомятку каждый собственными продуктами.

Зато поведение кошки изменилось кардинально. Она, продолжая избегать хозяина, перестала дичиться хозяйки и – о, чудо! – каждый вечер Муська стала приходить в комнату к хозяйке. Забиралась к ней в постель, устраивалась у женщины в ногах и проводила вместе с ней каждую ночь. И та заметила, как постепенно начала восстанавливаться ее психика, перестали вылезать волосы, и всё остальное приходило в норму.

Весь тот страшный год, пока хозяин наконец не образумился и не пришел в себя, прекратив безобразия, кошка спала вместе с хозяйкой. Закончилась черная полоса в жизни семьи, муж с женой помирились и вновь соединились. А Муська вернулась к себе на свой коврик. И всё бы хорошо, и всё бы славно. Только очень скоро случилось то, чего никто не ожидал. Кошка начала умирать.

Так бывает, когда солдат, прошедший войну, возвращается домой. Все счастливы, всё самое страшное позади, он вернулся. Да, человек вернулся, расслабился, и заговорили в нем раны от пуль и осколков. Вот и в Муське, в ее маленьком теле, которое подставила она под нелюбовь вместо своей хозяйки, заговорили полученные ею раны.

«У нас всегда, сколько я себя помню, в доме жила кошка. Но еще никогда в жизни я не слышала, чтобы кошка, умирая, так кричала. Она кричала по-человечески. Ей было больно, а я понимала, что кричит она вместо меня. Сиделась рядом с ее ковриком, прижимала Муську к груди и плакала вместе с ней. С тех пор я и начала кормить бездомных кошек».

Заговорили о кошках, и вспомнилась Беларусь, мой город Гродно и мамина подруга Ванда Иосифовна. Они с мужем жили вместе с нами в военном городке. Не помню, был ее муж военным пенсионером или нет, но то, что по национальности он был поляк, это я помню. Ванда происходила из белорусской окатоличенной семьи. Ее семья старалась придерживаться религиозных правил, но сами по себе родители – белорусские крестьяне – не отличались напускным фанатизмом. По натуре своей это были люди добросердечные, любили детей, потому и воспитывать их старались больше лаской, нежели строгостью. Ванда и выросла человеком открытым, любвеобильным и до щепетильности порядочным. Потому всякое проявление человеческой жестокости, какой-то нечестности надолго выводило ее из равновесия.

В свое время, заканчивая учебу в институте, Ванда вышла замуж за молодого человека из польской католической семьи. Родители Ванды и согласились на брак своего ребенка больше исходя из того соображения, что юноша, воспитанный в религиозных традициях, в отличие от тогдашних достаточно свободных отношений, царивших в семьях людей неверующих, будет надежной опорой для их любимой дочери. Тем более, что и внешне избранник Ванды выделялся на фоне остальных сверстников. Был он высокого роста с очень приятными чертами лица. Правда, уже почти перед самой свадьбой будущая свекровь однажды, подойдя к своей невестке, обняла ее, прижала голову к своей груди и прошептала: «Бедная девочка. Тяжело тебе будет с ним».

Но разве юность когда-нибудь прислушивается к мудрой старости? Разве не считает, что даже если ее избранник и страдает какими-то пороками, наподобие пьянства, то уж ее-то любовь, ее самоотверженность обязательно возьмет верх. Порок будет побежден, и счастливая семья непременно состоится. Конечно, если, к примеру, тот же будущий супруг сам мечтает избавиться от зависимости, возможен и такой счастливый исход. А если этот порок не вино, и даже не наркотики, а внутреннее состояние человека, если это такое, унаследованное от родителей, каменное сердце? Как быть тогда? Тем более если человек – выходец из мелкой польской шляхты, людей особой породы, как правило гордых и потому болезненно обидчивых. И воспитание в религиозной семье еще ничего не значит. Можно придерживаться традиций, исполнять вместе со всеми закон и оставаться человеком абсолютно неверующим.

Первое время молодая семья жила без каких-либо потрясений. Сказать, чтобы муж плохо относился к жене и вскоре родившейся дочке, было бы неправдой. Жили как все, без заметных потрясений, но и без особых радостей. Так было, пока супруги не преодолели сорокалетнюю планку. Психологи констатируют, что в это время у мужчин случается кризис сорокалетних. По-народному это еще называется «бес в ребро».

Такой бес и ударил мужа Ванды, и не по одному ребру, а сразу по всей его грудной клетке. Вот тогда женщина и поняла, почему жалела ее перед самой свадьбой всегда молчаливая свекровь, всю свою жизнь прожившая с отцом мужа. Отец и сын, яблочко от яблоньки далеко не укатилось. Я слышал, как Ванда, приходя к нам домой пообщаться с моей мамой, жаловалась на то, что вытворяет ее супруг: «Домой он приходит позже обычного. Где-то уже был, и кто-то его уже накормил. Но я всегда готовлю к его приходу ужин. Он может взять тарелку с едой, посмотреть в нее и выбросить содержимое в помойное ведро. Мол, почему не мясо, а рыба? Я хотел мяса, а ты приготовила не пойми что.

Вчера пришел, я ставлю на стол сковородку с мясом, а рядом – тарелку с жареной картошечкой. Такой, какую он любит. Муж изучает жаркое: „А почему свинина? Почему не баранина?“ И опрокидывает сковороду на пол. Я в ужасе кричу ему: „Что ты делаешь?!“ Он тут же вдобавок к мясу отправляет туда же картошку. Потом встает, берет ящик сырой картошки и высыпает ее вместе с землей на весь приготовленный мною ужин. И уходит к себе в комнату, а ты теперь убирайся на кухне. Мало того, слушайте, Силь-вестровна, – здесь в разговоре с моей мамой Ванда громко с отчаянием в голосе продолжила: – Казик теперь все чаще заявляется домой неприлично пьяным. Он стал вести разгульную жизнь. Хорошо, дочка уже поступила

учиться в Минск. Слава Пану Иезусу, хоть она не видит отца в таком неподобающем виде. Силь-вестровна, зато я на него насмотрелась».

Ванда с мужем жили в двухэтажном доме еще старой постройки начала пятидесятых годов. Их квартира находилась на первом этаже, а под окном комнаты, что выходила на проезжую часть, у нее был разбит маленький садик, где Ванда каждый год высаживала цветы. Однажды Казимир пьяным схватился за нож, и только чудом ей удалось в одно мгновение, оказавшись на подоконнике, спрыгнуть в клумбу. Благо, что первый этаж и окно на счастье оказалось открытым. Эту ночь Ванда провела у нас в доме, а утром уехала в деревню к родителям. «Мама сказала: „Что же делать? Разводишься с ним, дочушка. Раз он такой дурной, так он и убить может“. А мне стыдно, я же верующий человек, и брак у нас с *мужем* венчанный. Как я буду людям в глаза смотреть?»

Стала Ванда еще чаще ходить в костел и молиться о своем Казике. А Казик и сам испугался. Понял, к чему может довести его ненависть к жене, собрал вещички и перебрался жить к любовнице.

Вот в эти самые трудные дни в жизни Ванды и случилась их первая встреча – человека и кошки. Лето сменилось осенью, задули холодные ветры и начались нудные обложные дожди. Однажды утром она, отправляясь на работу, вышла из подъезда и увидела кошку с облепившими ее котятами. Я уже не помню, сколько их там было. Видно было, что кошка только-только окотилась. Котята, еще слепые, жались к матери, а та прикрывала их своим телом от летающих под металлический козырек холодных дождевых капель.

«Бедная, – подумала Ванда, – что ты теперь будешь с ними делать?» Хоть и жили у них в деревенском доме кошки, но у себя в квартире, еще и при Казике, Ванда кошек не заводила. Муж их не любил, да и сама женщина была к ним безразлична. А эту кошку ей стало жалко. Ванда вернулась домой и взяла картонную коробку. Подыскав для нее укромное место, посадила в коробку котят вместе с кошкой и принесла ей еды. И потом все время, пока кошка с котятами нуждались в помощи, женщина о них заботилась, подкармливала и не давала замерзнуть.

Однажды Ванда, как обычно, отправилась кормить своих подопечных, но, к удивлению, обнаружила лишь одну пустую коробку. Сперва предположила, что кто-то забрал ее кошек, но потом поняла, что котята просто уже выросли и мать увела свое семейство. Было немного обидно, что кошка «не попрощалась», но животные есть животные, решила Ванда. К тому же общение было необходимо им обоим. Забота о кошке скрашивала и ее одиночество.

Буквально на следующий день Ванда зачем-то подошла к окну, что выходит у нее на палисадник, выглянула на улицу и застыла от удивления. На кирпичной отмостке точно напротив ее окошка рядом одна к одной лежали крысиные тушки, ровно тринадцать задушенных кошкой крыс. Ванда поняла, что кошка ее таким образом отблагодарила.

В тот день Ванда вспоминала годы, прожитые вместе с мужем. Пыталась вспомнить хоть что-то, когда на проявленную к нему любовь Казик ее хоть как-то отблагодарил. Пыталась, но так ничего и не вспомнила. А животное отблагодарило. Кошки лучше людей, сказала себе Ванда. С тех пор она стала кормить бездомных котов. А вскоре уже у нее в доме проживало с десятком пушистых любимцев, остальным на улице в разных местах она выставляла площадки с едой, и делала это каждый день.

Так прошло несколько лет. Казик постарел. С его гонором и дурным характером у него не получалось ладить с людьми. Женщины, со временем понимая, что собой представляет этот внешне красивый человек, старались от него поскорее избавиться. Постаревший и поизносившийся Казик в конце концов был вынужден вернуться домой к законной супруге. Ванда приняла его, все-таки они были венчаны, но уже не как мужа, а как брата.

Поначалу Казик возмущался обилием проживающих в их квартире котов, но потом ничего, смирился и даже стал помогать жене. Я много раз видел, как, возвращаясь из костела, они вместе с Вандой шли раскладывать по мискам еду для бездомных кошек.

С тех пор прошло много лет, и мне на глаза попала книжка произведений моего любимого писателя-фантаста Кира Булычёва. В одном из рассказов читаю, как благодарные кошки, живущие в городе Гусяре, решили еще при жизни поставить памятник своей благодетельнице Ксении Удаловой. Когда Ксению вместе с мужем пригласили на открытие памятника, они увидели возвышающуюся на постаменте фигуру женщины, исполненную в полный рост.

Единственное, в чем кошки погрестили против реальности, это длинный пушистый хвост, который они настоятельно потребовали приделать к фигуре благодетельницы. Потому как, по мнению кошек города Гусяра, у хорошего человека обязательно должен быть хвост. Если не наяву, то непременно в душе. Потому что хороший человек – это тоже немного кошка.

Я читал эту забавную фантастику и от души смеялся. Потом вспомнил покойного дедушку соседа, Ванду, ее мужа Казика, еще ту женщину, у которой жила кошка Муська, и мне захотелось смеяться. Но не потому, что в отличие от Ксении Удаловой этим людям кошки памятники никогда не поставят. Да это и невозможно – поставить памятник каждому хорошему человеку. Нет. Просто я понял, что в реальной жизни люди счастливые «кошками» не становятся.

Один день из жизни «немолодого» человека

Октябрь, середина осени. Отпевали женщину, еще совсем не старую, чуть больше сорока лет. Она долго болела. Всё это время о ней молились, и не только в одном нашем храме, потому что любили. Но болезнь оказалась сильнее. И человек ушел. На отпевание съехалось немало народу. Отпевали ее сразу несколько священников. Отцы приехали по большей части с матушками, я был один.

Помню, как в последний раз встретив Ольгу – я назову ее Ольгой – на одном из районных мероприятий, подошел к ней, сказал несколько слов поддержки и закончил фразой: «Мы все о вас молимся». Она посмотрела на меня своими добрыми грустными глазами и благодарно дотронулась до моей руки. Я знал, что Ольга надеялась на наши молитвы, стоял рядом с ее гробом и чувствовал себя виноватым. Прости, слабые у нас молитвы. Она лежала светлая, точно ангел, а уголки ее губ слегка приподнимались кверху.

После того, как тело усопшей стали выносить из храма, народ поспешил вслед за гробом, стремясь успеть занять место в следующем за катафалком автомобильном кортеже. Я не стал садиться в свою машину и вышел на обочину в надежде, что кто-нибудь из знакомых захватит меня с собой. И мы по дороге на кладбище перекинемся с ним хотя бы парой дежурных фраз. В тот момент почувствовал, что мне этого очень недостает: услышать слово и ощутить рядом с собой тепло живого человека. Напрашиваться не хотелось, ждал, что кто-нибудь по собственному желанию остановится и пригласит меня к себе.

Но машины не останавливались. Обратил внимание, что там, где рядом с водителем находился кто-нибудь из пассажиров, он просто ехал, уставившись в свой смартфон. Никто ни с кем не общался, люди ехали молча. Понимал, что все переживают, но в отличие от меня предпочитают переживать в себе. Увидев меня, улыбались, приветственно кивали мне головами и снова утыкались в светящиеся экраны.

Я дождался, пока мимо проследует вся кавалькада машин, вернулся к своей единственной оставшейся на стоянке рядом с храмом, сел за руль и поехал на кладбище. А вскоре увидел голосующую на обочине пожилую женщину. Дорога от храма, где совершалось отпевание, пролегает через многочисленные деревни и дачные поселки, автобусы здесь если и ходят, то с большими перерывами, вот люди и вынуждены голосовать. Я остановился и пригласил старушку сесть рядом со мной на переднее сидение.

Моя попутчица оказалась весьма словоохотливой. Уже вскоре я знал, как зовут ее саму, ее детей, где все они живут и даже чем занимаются. Бабушка говорила быстро. Создавалось впечатление, будто в момент, пока ею озвучивается одна мысль, она боится, что позабудет следующую. Потому и старается выпалить мне всё как можно скорее.

Спустя десяток километров мы въехали в большой поселок, расположенный рядом с автотрассой. И только здесь она наконец замолчала. Бабушка показала, где ее следует высадить. Собираясь выходить, она открыла дверь и сказала:

– Ну, я побежала, – а сама продолжает сидеть в машине. – Всё, беги, Райка, беги дальше! Посмотрела в мою сторону:

– Порой я себя спрашиваю – куда ты всё спешишь? Тебе уже восемьдесят три года, а ты всё бежишь и не можешь остановиться. Молодой человек, как вы думаете, куда мы всё бежим? Или вы уже не молодой? Вон, и борода у вас вся седая.

Мне ее вопрос показался забавным:

– Всё, матушка, относительно. Для вас я еще человек молодой, а вон для той девушки, что стоит на автобусной остановке, – древнее ископаемое, наподобие динозавра. Мы все очень разные. Это у нас с вами за плечами многолетний опыт радостей и разочарований, а этот человек живет надеждой на свое прекрасное завтра. Этой девочке еще только предстоит пройти

свой путь. Что ей до нас. Наш с вами опыт ей неинтересен. Но что касается вашего вопроса, если брать среднее арифметическое, то да, пожалуй, в точку – «немолодой» человек.

– Как быстро проходит время, и как жалко, что его невозможно повернуть назад, – вздыхает моя попутчица. – Вы не находите?

Я задумался:

– Не знаю. Хотя мне больше нравится другое определение – не быстро, а незаметно.

Время не в нашей власти, мы ему подчиняемся, а не оно нам. С годами я пришел к выводу, что время – это только то, что здесь и сейчас. Прошлое становится тем, что мы называем опытом. Будущее закладывается сегодня, и во многом оно зависит от нас сегодняшних, прежнего нашего опыта, образа мыслей, дел, поступков. Земная жизнь когда-то неизбежно заканчивается, через нее нужно пройти и отправляться дальше. Нет смысла застревать здесь навечно. Будущее всегда интереснее и обещает надежду.

Вернувшись домой, решил загнать машину в гараж. Подъехал и увидел рядом со своим открытым гаражом Алексея Михайловича, моего соседа. Вместе с внучкой, десятилетней Полинкой, они большими квадратными кистями мажут деревянные полы отработанным моторным маслом. Бабушка вместе с Полинкой наши постоянные прихожане, Алексей Михайлович тоже бывает в храме на службах, но по мере сил и наличия свободного времени.

На днях у Михалыча был день рождения. Я его поздравлял. Михалыч местный житель, здесь в наших местах он родился и здесь же провел всю свою жизнь. Мне он много рассказывал о своих друзьях еще детской поры, с кем когда-то рос и потом все оставшиеся годы поддерживал дружеские отношения. Его судьбу невозможно представить без дружков его детства, давно уже ставших солидными пожилыми дядьками.

В их компании обязательным делом считалось отмечать свои дни рождения. Это еще родители начали собирать мальчишек за одним праздничным столом, так и переросли эти застолья в прочную традицию на всю оставшуюся жизнь. Благо, после школы и службы в армии никто из них далеко не уехал, потому что традиция состоялась.

Всё бы хорошо, да только умерли уже все закадычные дружки Алексея Михайловича. Вот уже года два, как последний из них ушел из жизни.

– Ого, какие вы молодцы! Полинка, это ты деда надоумила доски покрасить?

Девочка дедова любимица, во всех делах неизменно рядом с дедушкой. Умница и отличница, понимает, что батюшка шутит, улыбается и отвечает:

– Вообще-то это дедушка придумал, а я решила ему помочь.

– Всё равно вы оба молодцы. Это же очень хорошо перед зимой защитить от влаги деревянные полы. С колесами вон сколько снега в гараж несется. Мне тоже надо у себя помазать. Да всё никак не соберусь, то времени нет, то приболеешь, то лень-матушка одолевает. Но посмотрел на вас и решил: всё, больше не откладываю.

Мы посмеялись. Полинка продолжала работать, а Михалыч сказал:

– А я свой день рождения справил. Купил хорошей свинины, самогону нагнал и поехал к знакомым армянам. Когда-то тоже общались. Они хорошо знали моих друзей, а я много лет ездил к ним в мастерскую, чинил свои машины. Подарок они мне сделали вскладчину – семь тысяч рублей, чтобы я себе что-нибудь купил, – Михалыч смеется, – как в детстве. А я чего, на мясо потратился, овощей купил, самогон свой, ну на всё про всё тысяч пять ушло. Два дня шашлыки жарили. Я не пью, ты знаешь, а мужики нормально посидели. Они любят, когда я к ним приезжаю.

Я слушаю то, о чем он мне рассказывает, и не очень понимаю.

– Михалыч, день рождения отметить – это дело хорошее. Когда с друзьями посидеть – вообще замечательно. А эти люди? Мало ли с кем и когда приходилось по жизни пересекаться, так что же, теперь всех поить?

– Так-то ты, конечно, прав. Понимаешь, бывало и они присоединялись и отмечали вместе с нами. И знают, что никого из моих друзей уже не осталось. Если я не стану справлять с ними свой день рождения, они подумают, что я тоже умер.

Ашот меня спрашивает: «Алексей, а как поживает твоя сестра? Я ее помню». «Ашот, – говорю, – она умерла три года назад. Ты каждый год интересуешься ее здоровьем, а я каждый раз рассказываю тебе, что она умерла». «А, – тянет Ашот, – извини». В следующий раз снова спросит.

– У него, что, с памятью плохо?

– Нет, просто ему безразлично, жива она или нет. Но, если есть я, значит, есть и она. Я не обижаюсь. Ты понимаешь, когда сажусь с ними за один стол, кажется, что всё у меня как прежде. А если и эти люди исчезнут из моей жизни, пожалуй, я тоже подумаю, что меня уже нет.

Недавно, – продолжает Михалыч, – веду машину и слушаю интервью с одним известным писателем и актером. Фамилия на языке крутится, не вспомню никак, но ты его знаешь. Он у нас такой единственный, сочиняет собственные спектакли и сам же в них и играет. Так вот, ведущий его спрашивает, о чем он последнее время думает чаще всего. Знаешь, что он ему ответил? Он сказал, что чаще всего задумывается о смерти. Ведущий уточняет: а еще, мол, ты о чем-нибудь думаешь? Тот говорит: «Я только об этом и думаю». Ты понял? Этот актер младше меня на десять лет, и в церковь он не ходит, а мысли взрослого человека. Я и молюсь, и в храме бываю, а с реальностью не смиряюсь. Друзья ушли, а я будто всё продолжаю играть свой собственный спектакль.

Вечером того же дня около девяти часов мы с матушкой вдвоем прогуливаемся по опустевшему поселку и решаем зайти в часовню. На улице холодно и ветер, в часовне уютно и тепло. Мы вошли и стоим, не включая света. Наконец матушка спрашивает:

– Почему душе так нравится тишина?

Подумав, я отвечаю:

– Наверное, потому, что она сама по себе всегда одна. Одиночество – ее естественное состояние. Обычная наша суета ее утомляет, и потому иногда ей хочется побыть одной.

– Иногда? – прерывает меня матушка. – Почему же тогда всё больше людей жалуются на свое одиночество?

Я пожимаю плечами:

– Видимо, одиночество души предполагает общение человека с Богом, а если этого общения нет, начинается страдание.

На следующий день мне снова понадобилось куда-то ехать. Пошел в гараж за машиной и опять увидел Михалыча, но уже одного, без Полинки. С утра пораньше он открыл ворота настежь и сушит покрашенные полы.

Увидел меня и говорит:

– Я тебе сейчас такую историю расскажу, ты не поверишь! Представляешь, вчера закончили мы с Полинкой у себя полы мазать. И она мне заявляет: «Теперь пойдём красить полы в гараже у батюшки. Ему тоже надо». Я замялся, стою соображаю. А она видит, что я замялся, и продолжает: «Дедушка, ты же сам говоришь, что нужно делать добрые дела». Я смотрю на нее и не знаю, что ей ответить. Говорю, мол, ты же видишь, гараж у него закрыт. Она мне: «Поехали, возьмем у батюшки ключи». Я ей: «Так у него там еще ничего не подготовлено. Убраться надо. Всё по местам разложить, мусор вымести. Потом уже только и красить». Она глядит на меня, словно я дитя малое: «Дед, так мы с тобой сами уберемся».

Михалыч мне рассказывает, а у самого глаза налились слезами.

– Ей всего десять лет. Мне уже за шестьдесят. Из них почти полжизни в церкви. И что я на фоне ее правды со всем своим этим жизненным опытом? В чем он, мой опыт? В бесконечном поиске компромиссов?

На следующий день мы все втроем мазали полы уже в моем гараже. Поинка командовала.

Дискотека 80-х

Как часто какое-нибудь интересное приключение начинается с обычного телефонного звонка. Точь-в-точь с такого же, что прозвенел у меня в кармане прошлым воскресеньем во второй половине дня. Звонил Игорь Петрович, мой старинный товарищ и большой любитель разных неожиданных предложений и мероприятий. Это меня уже никуда не тянет, но Игорь, несмотря на возраст и постоянную занятость, в курсе всего того, где, кто и когда прибывает в наши края, куда привозят новую постановку или редкий авторский фильм. Не устаю поражаться его неутомимости и быстроте на подъем. Звонишь ему: «Мне бы Игоря Петровича». – «Он на Дальнем Востоке, улетел на встречу с бывшими однополчанами. Через пару дней вернется». Или: «Умчался в Норвегию, ему на „Сердитого малыша“¹ посмотреть захотелось».

В этот раз поднимаю трубку:

– Сегодня вечером в Павлово-Посад приезжает Макаревич. Да, ты не ослышался, тот самый. «Машина времени», наша юность, батюшка. Ты как? Мы с Пашей едем.

Здорово, надо же, Макар, собственной персоной. Главное, так неожиданно. Мы, наше поколение, выросли на его песнях. Его, и еще Никольского. Духовная пища для наших тогдашних горящих сердец.

Даже не скажу, кого я услышал первым. У нас в Гродно в «клетке» городского парка ребята-музыканты всё больше орали «Вот, новый поворот»! А Никольский забирался в душу ненавязчивыми аккордами своего гениального «Музыканта». Это потом уже я узнал, что эту песню он написал во время службы в армии. Ходил часовым по периметру и «выходил» «Музыканта».

То-то она была так созвучна моему настроению, когда, оставаясь на дежурстве практически в одиночку в огромной пустой казарме на окраине Минска, долгими осенними вечерами я забивался с пачкой дешевых сигарет на подоконник в солдатском туалете, и всё повторял и повторял слова этой песни. Почему в туалете? Просто там было уютнее, чем в пустой казарме, рассчитанной на две с половиной сотни бойцов.

На гражданке у меня не было записей «Воскресения», потому я так обрадовался, встретив в расположении своей роты старого знакомого из моего города Гродно. Не помню уже, как его звали, по-моему, Вадим, но не уверен. Зато точно знаю, что до армии он учился в Гродненском мединституте. Я всё еще удивлялся, как такой бездельник поступил в наш самый престижный вуз? Но поступить ладно, там еще и учиться надо.

Оказывается, совсем молоденьким мальчиком мой знакомец женился на дочери одной медицинской профессорши, она его и пристроила учиться на будущего врача. Вполне возможно, Вадик и стал бы со временем известным хирургом, если бы не досадный случай.

В квартире у тещи-профессорши, а молодые жили вместе с мамой, проживало еще и с десяток любимых тещиных кошек. Любимцам, как известно, позволяется всё. Потому кошки бродили по всей квартире, ели где хотели и спали где им понравится. Таких замечательных кошачьих туалетов и поглотителей дурного воздуха, как сейчас, тогда еще не изобрели, потому и в квартире постоянно ощущался стойкий запах звериной мочи.

«Ночью в туалет встаешь и крадешься по стеночке. И всё равно где-нибудь да вляпаешься. Хочешь – не хочешь, идешь в ванную отмываться. Тут и сон проходит.

И потом, эти животные постоянно голодные. Я как понимаю: раз завел такую кучу зверья, так ты их и корми. За те два года, что мне пришлось прожить в доме вместе с тещей, не помню,

¹ Скульптурная работа Густава Вигеланда. Находится в Вигеланд-парке в г. Осло. Одно из самых посещаемых мест норвежской столицы.

чтобы я хоть раз поел по-человечески. Стоит только отвернуться, и всё, тут же кто-нибудь влезет к тебе в тарелку.

Развернешься врезать по башке паразиту, теща орать начинает, не обижай котика. Долго я терпел, но однажды не выдержал. Возвращаюсь из института голодный, пошел на кухню, достал из холодильника ветчину, кусок отрезал. А ветчина настоящая, литовская, сам лично за ней в Друскининкай мотался. Кусок отрезал, остальное убираю назад в холодильник. И вот, прямо на моих глазах Барсик, тещин любимец, здоровенный такой черный котяра, хап своими когтищами мой обед – и поволок. Я заорал, а он уже настолько обнаглел, что в мою сторону даже ухом не ведет. И продолжает жрать мою ветчину. Грешен, не сдержался. Как был у меня в руке кухонный нож, так я им и маханул. Кошара сбежал, а его хвост остался лежать здесь же на столе рядом с недоеденной ветчиной.

Какой был скандал, ты не представляешь. В один день я лишился всего – и жены, и тещи, и крыши над головой. После ближайшей сессии меня выперли из института и забрали в солдаты».

Такая вот грустная история. Пускай Вадик и не стал хирургом, зато он здорово играл на гитаре. Он и перепел мне все песни Макара и Никольского. А слова «Музыканта» даже записал на бумажку. Помню в строке «И ушел, не попрощавшись, позабыв немой футляр» Вадик слово «немой» написал раздельно. Это было смешно. Зато именно из-за этого слова Вадик остался в моей памяти.

Память – это вообще какая-то странная штука. Помню, моя первая служба на приходе совпала с праздником Пасхи. На Пасху царские врата постоянно открыты, и когда я должен был перед пением Символа веры произнести «двери, двери, премудростию вонмем», то подумал: «При чем тут двери, если сегодня они не закрываются», взял и пропустил эту фразу. А клирос ждет моего возгласа и молчит, короче, заминка вышла. Регент доложила об инциденте настоятелю, а тот мне объяснил, что я был неправ.

Я тогда обиделся на регента и думал, что ей стоило просто после службы подойти и сказать мне, новоиспеченному батюшке, в чем моя ошибка. Время прошло, вместе с ним и обида, с регентом мы даже подружились. Потом, к сожалению, ее сбило машиной. Но все эти годы во время служения литургии, как дохожу до слов «двери, двери, премудростию вонмем», всякий раз вспоминаю того регента и молюсь о ее упокоении.

Ломаю голову, что это – памятьзлобие или зарубка во временном потоке?

Нет, нам определенно нравилось, о чем пел Макар со своей «Машиной», потому что он пел о нашей реальной жизни. Что вижу, то и пою. И о марионетках, и о посетительнице ресторана, на которую клюет уже двадцать восьмой кандидат. Его тексты заставляли думать и переживать, и еще сочувствовать – и этим куклам, и несчастной одинокой женщине из прокуренного кабака. У Лещенко с Кобзоном так не получалось.

Мелодии «Машины времени» пробирались в самое нутро. Входили в единый резонанс, настраивая меня, будто камертон, на единый лад с настроением исполнителей.

Помню, как вместе с Макаревичем задавался вопросом, что же будет через двадцать лет, и вместе с ним же философствовал: «...если что-то будет через двадцать лет».

Мои надежды на будущее были прекрасны, и вообще я по натуре оптимист. В юности обо-жал смотреть фантастику. Тогда мы собирались покорить вселенную, проникнуть в ее самые удаленные уголки, найти братьев по разуму и, конечно же, подружиться. Кто знает, предупредил Макар, куда заведут человечество наши поиски, нужно быть осторожными и не заигрывать ядерными игрушками.

А уж «Скачки», «Поворот» – как мы под них выплясывали в той же «клетке» в городском парке или рядом с ней, когда не было денег на билет. И главное, слова нас эти заводили: не бойся, иди за ворота, выбирайся из привычного бытия, ищи чего-то нового, неизведанного, но

несомненно прекрасного! Пускай неизвестно, что там, впереди, но твое дело идти. Преодолевай себя, не сиди на месте. И пусть добрым будет твой путь.

Но самой моей любимой песней была все-таки песня о родном доме. Наверно потому, что я любил мой город, моих близких и мой родительский дом. Иди, ищи, строй свою судьбу, но не забывай о месте, где тебя любят и всегда ждут. Я напевал ее в армии, повторял много-много раз, живя далеко от родины. Одного не понимал, как это: «и видел я дворцы, дворец кому-то тоже дом»? Где Макар мог видеть дворцы, кто это у нас живет во дворцах? Хижины – да, их полно вокруг, а вот дворцы – явный перегиб.

Время шло, и «Машина» всё больше уходила в прошлое. Макар с экрана телевизора учил меня готовить еду, показывал свои рисунки, но это было неинтересно. Иногда, правда, он баловал меня великолепными новинками, я радовался и переставал верить в то, что Макар «сдулся».

И вот этот звонок в воскресенье после литургии и предложение поехать живьем послушать героя из наших вчерашних дней.

На концерт вместе с нами выбрался еще и Паша, наш общий знакомый. Он ехал и всё никак не мог успокоиться, что сейчас он снова увидит самого Макара, будет слушать свой любимый «Поворот».

– Мужики, хотите верить, хотите нет, но в 1979 году вот эту самую руку, – и Паша в качестве вещественного доказательства предъявил нам свою внушительную пятерню, – Андрюха жал лично. Да-да, после концерта, – и назвал место, где он так накоротке сошелся с кумиром из нашей юности.

Я понимаю Пашу, доведись мне пожать руку знаменитому музыканту, я бы тоже, наверно, радовался. А вот хоть расцелуйся в те же годы с самим товарищем Брежневым, вспоминалось бы как анекдот.

В начале восьмидесятых Павел поступил в военное училище, мечтая послужить отечеству в качестве его защитника. Мы все тогда о чем-нибудь мечтали. Ну если кому-то не нравится это слово, пускай – «строили планы».

Детство Паши прошло на Северном Кавказе. Несколько поколений его предков учили и лечили тамошних жителей и так сроднились с этими людьми, что маленький Павлик лет до семи на языках горских народов говорил даже лучше, чем на русском. Когда они переехали в наши места, его так и звали: «русский нерусский». До сих пор в его говоре улавливается еле заметный акцент, а уж если начинает волноваться или о чем-то рассказывать, увлекаясь, то и подавно.

Игорь, тот с юности был активистом-общественником, и в школе, и в университете, хотя рассказывал, будто всегда хотел заниматься наукой. После того, как во времена перестройки прозвучал горбачевский призыв строить «социализм с человеческим лицом», Игорек проникся идеей и даже вступил в партию строителей светлого будущего. Его до сих пор продолжают задевать и несправедливость, и наплевательское отношение к маленькому человеку, хотя от политики бежит как от огня.

Вскоре после того, как развалился Союз, накрылась медным тазом и область его научных изысканий. Оставшись с тремя детьми и без средств к существованию, всю силу своего деятельного характера Петрович направил на предпринимательскую деятельность. Начинал, понятно, челноком со стеклянными сумками безразмерного размера, а сегодня на его предприятиях трудится уже больше семисот человек. Кстати, своих работяг Игорь старается не обижать, мечта построить хоть что-нибудь, но только обязательно «с человеческим лицом», всё еще не покидает его.

Уже в машине Петрович достал бутылку сухого красного вина:

– Ну что, батюшка, давай по чуть-чуть для куражу. А то как-то неправильно получается, слушать «Поворот», и без ничего, а так хоть поорем. Помню, в том же 1979-м, когда

Пашка Макару руку жал, мы в студенческом стройотряде отрывались под «Машину» портвейном покровского разлива. Ох, и здорово же было, молодые, счастливые. Кстати, бать, ты помнишь портвейн того времени?

– Нет, друг мой, не пришлось. Я вообще не пил бормотуху.

– И правильно делал. Та еще гадость, – отозвался Паша, – хотя и экологически чистая.

Игорь, не обращая внимания на Пашину критику, продолжил:

– Прошло тридцать лет, и вот, пожалуйста, мы балуем себя вот такими игрушками. Французское марочное, я его для своих из Парижа выписываю. В свое время попробовал в одной из кафешек на Монмартре, правда, оно недешевое, пятьдесят евро бутылка, но оно того стоит. Вот оно, ласковое солнце французского юга, соединившееся с беззаботностью празднующих по Парижу туристов из России. Паша, давай сюда твою тару, – и налил ему из бутылки.

Пашка, отхлебнув из пластикового стаканчика, посмаковал вино и произнес:

– Да, это вам не мочу пить.

Другой бы на месте Игоря оскорбился подобного рода сравнением, но Петрович знал Пашину историю, потому и поспешил:

– Всё, кончай о грустном. Мы едем слушать Макара, мы возвращаемся во времена нашей счастливой юности и отрываемся под «Поворот».

В самом начале чеченских событий, когда наши, оставляя оружие и боеприпасы, уходили из республики, в Грозный, словно нарочно, отправился спецсостав с вооружением. Вагоны охранял военный караул, старшим которого был назначен капитан Павел Звягинцев. Когда состав прибыл к месту назначения, ребят уже встречали вооруженные до зубов бородатые представители свободной Ичкерии.

Бойцов разоружили и загнали в здание вокзала. Всего в плену у душманов оказалось около сотни наших. Правда, те их особенно не обижали, так только, для острастки, двух человек застрелили. Потом Пашу отделили от всех и увезли. Судьбу остальных он не знает, а его продали очередным бандитам. Таким образом капитан Звягинцев перепродавался еще несколько раз, и его конечная цена выросла аж до ста тысяч долларов. Пять с половиной месяцев он, словно сторожевой пес, просидел на цепи в земляной яме.

«Я бы точно не выжил, если бы не офицер, летчик, что сидел вместе со мной в зиндане. Это он научил меня пить мочу, иначе почки точно бы вылетели от постоянно холодной цепи на шее и на поясе. Я понимал, что такую сумму в долларах им за меня никто не заплатит, как не заплатили за того летчика, Царство ему Небесное.

Однажды ночью мои мучители велели мне спешно выбираться из ямы, после чего вывели во двор и передали каким-то угрюмым чеченцам с автоматами. Они меня и вывезли за пределы Чечни, передав в одну из воинских частей.

Я всю голову сломал. Что за люди, зачем освободили? Оказалось, они меня выкупили, только не за сто тысяч, а за двадцать пять. В свое время, когда Сталин вывозил чеченцев в Сибирь, мой дед работал директором школы здесь же в Чечне в одном большом селении. Понимая, что многие из них обречены, учитель не смог безучастно наблюдать за тем, как будут расправляться с его учениками. Он стал их прятать в семьях не чеченцев, таким образом ему удалось спасти сорок ребятшек. Бдительные органы вскоре выявили преступника и отправили в лагерь сроком на восемь лет, которые тот и оттрубил от звонка и до звонка. Зато детей спас».

Когда Пашка оказался в плену, уже дети тех спасенных учителем учеников, буквально перерыв всю Чечню, отыскали внука своего спасителя. Как они о нем узнали?

Бывшего пленника перевезли в военный госпиталь и стали лечить. А еще через несколько дней за Пашей приехали серьезные крепкие парни и снова куда-то повезли. Нет, никто его больше не бил, потому что бить его уже было некуда. Зачем бить, существует масса других, не менее действенных методов.

«Почему тебя освободили? Какое ты получил задание? Сколько тебе заплатили?»

Потом отпустили, так же внезапно, как и арестовали. Просто выбросили на улицу без денег, здоровья и без будущего. Хорошо, друзья не оставили. Помогли купить маленький бизнес. С него он и начинал.

Недаром говорят, что земля круглая. Семь лет спустя в принадлежащую Паше типографию поступил выгодный заказ напечатать большую партию предвыборных плакатов. Поначалу он обрадовался возможности заработать, но, взглянув на фотографию кандидата, узнал того бывшего капитана, что вел его допросы. Узнал и, не объясняя причины, отказал.

На другой день к нему в кабинет влетел сам разгневанный кандидат и, уже в свою очередь узнав Павла, замолчал на полуслове. Потом примирительно положив руку тому на плечо, предложил: «Старик, давай без обид. Ничего личного, ты же понимаешь. Ты и я офицеры, оба мы служим родине, каждый на своем месте. Сегодня ты помогаешь мне, а завтра я вспомню о тебе». «Знаешь, – ответил ему Паша, – у нас с тобой разное понятие о родине и об офицерской чести тоже». И выставил кандидата за дверь.

Концерт, назначенный на шесть вечера, начался с заметным опозданием. В это время народ, всё больше нашего возраста, в буфете, времени зря не теряя, собирался с мыслями в ожидании «Поворота». Правда, так он его и не дождался.

На сцену вышли с десятком ребят с трубами и саксофоном. Нет, играли они совсем неплохо. И Макар пел своим привычным голосом, который мы все так любим, несмотря на полное его отсутствие, любили же мы Бернеса. Но это было не то, что мы хотели услышать.

В какой-то момент я почувствовал, как Петрович толкает меня локтем и вручает полиэтиленовый стаканчик с сухим французским вином.

– Представь, что мы сидим в кафешке на Монмартре, а ребята нас развлекают. На самом деле, закрываю глаза, и очень похоже.

Подражая Петровичу, я тоже закрываю глаза и немедленно попадаю в самое начало 80-х. Вместе с ней, той моей первой любовью, мы сидим на концерте какого-то саксофониста. Это она училась в музыкальном училище, а для меня что саксофон, что тромбон были словами однокоренными. Я таскал ее по разным концертам, мне хотелось, чтобы она была рядом, а ей хотелось в ресторан.

Ей было скучно на этих концертах, но у меня не было денег, зато мне нравилось смотреть на артистов. Один каряжский ансамбль «Эргерон» с бубнами чего стоил.

В тот раз саксофонист, засунув в рот сразу два мундштука, заиграл на двух саксофонах одновременно. Я подумал, что это он так дурачится, и стал смеяться, но моя подружка, гневно посмотрев в мою сторону, заявила: «Это не клоун, это виртуоз».

С тех пор, стараясь не выдавать своего профанства, с готовностью принимаю версию собеседника: «Да-да, точно, как в Париже».

На обратном пути мы почти не разговаривали. Неожиданно Петрович заявил:

– А вы знаете, что в апреле туда же, в клуб железнодорожников приезжает Никольский с группой «Воскресение»? Как смотрите, если мы соберемся тем же составом?

– Что же мы будем слушать, – отозвался Паша, – «По дороге разочарований»?

– Ну не только. А «Музыкант»? А еще помните эту, – и он принялся напевать: «Забытую песню несет ветерок, задумчиво в травах звеня, и есть на земле еще тот уголок, где радость любила меня...»

– Ребята, – перебил его Павел, – вы слушали, о чем он сегодня пел? А я слушал: мол, всё хорошо, всё есть, кроме одного – смысла, цели и любви. Это совсем не тот человек, который жал мне руку в 1979-м. Говорят, за один корпоратив он берет по пятьдесят тысяч баксов. Это в два раза больше, чем отдали за мою голову.

Когда Паша уже выходил из машины, Петрович вдруг предложил:

– А давайте еще винца, на посошок.

Но Павел вытянул руку в немом протесте:

– Нет, спасибо. Игорь, ты только не обижайся, но тот портвейн покровского разлива в 1979 году был вкуснее, чем твое французское с Монмартра.

И помахав рукой в ответ на мой поклон, скрылся за дверями своего коттеджа.

Игорь повернулся в мою сторону:

– Нет, ты понял, те «чернила», что тогда назывались «Портвейном», лучше французского марочного по пятьдесят евро?! Что ты на это скажешь?

– Петрович, мы об этом уже говорили, я никогда не пил бормотуху. Представь себе. А до двадцати вообще не знал вкуса водки.

Игорь замолчал.

Оставшуюся дорогу ехали молча. Единственный раз он выдал со вздохом:

– Пашка прав. Разве об этом мы тогда мечтали? Как закручивает жизнь. Мог ли я себе представить, вступая в компартию, что когда-то сам стану активным строителем капитализма?

Минут через пять мы уже были на месте. Прощаясь, Игорь протянул мне бутылку дорогого французского вина:

– Возьми на память о нашей сегодняшней поездке. Ты счастливый человек, батюшка, раз не знаешь, что такое Покровский портвейн розлива 1979 года. Тогда это вино будет казаться тебе прекрасным.

Иудин грех

По вечерам, когда выпадала такая возможность, мы с внуками читали Евангелие. Сначала я прочитывал какое-то место, потом откладывал книгу в сторону и начинал на пальцах пояснять прочитанное. Очень многое из того, о чем они слышали, им было непонятно. Однажды я стал им рассказывать о последних днях земной жизни Спасителя и сказал несколько слов об Иуде и о том, как он предал своего Учителя. Выслушав мой рассказ, Полина спросила:

– Дедушка, а зачем он это сделал?

На что Алиса ей ответила:

– Ты что, не слышала? Ему за это дали денег.

Такое объяснение их обеих вполне устраивало. Раз Иуда хотел на этом заработать, тогда мотивация его поступка всем понятна и объяснима.

Однако если бы я, пионер Саша, в далекие годы своего детства узнал о том, что кто-то из каких-либо побуждений предал врагам своего близкого друга или командира, возмущению моему не было бы предела. Помню, еще ребенком присутствовал на встрече школьников с известным белорусским писателем Василём Быковым, слушал его рассказы. О чем он нам тогда рассказывал, я забыл напрочь. Зато потом читал его повесть «Сотников». Страшную историю о том, как в общем-то неплохой человек, партизан, попавший в плен, страстно желая выжить, становится предателем и убийцей. И этот сюжет я уже никогда не забуду. А у наших ребят всё так просто. Ну ему же дали денег. Я смотрю на них – дети как дети. Хорошие, пока еще послушные. Только живут они уже в других условиях, совсем не в таких, какие были у нас.

Вчера вечером Полина всё не могла улечься спать – никак не подберет себе удобную подушку. Дедушка принес внучке с десятков разных подушек, маленьких и больших, тонких и толстых, плотных и рыхлых. Всё перепробовала девочка, и ни на одной из них не остановилась.

– Надо же, – удивляется дед. – В девяностые, когда я работал в четыре смены составителем поездов на железной дороге, бывало, что ночью в промежутках между заданиями удавалось немного подремать. Так знаешь, чем обходился? Кирпичами. Или доску к стенке прислонишь, вот тебе и подушка. Только голова кирпича коснется, так сразу и спишь. Тяжело было, но работал и благодарил Бога, что у меня есть работа и я могу накормить свою семью.

Полинка вздыхает:

– Счастливый ты, дедушка, на чем хочешь можешь уснуть. Как наш Барсик. А у меня так не получается.

Ладно, это еще детское. Пока человек лично с трудностями не столкнется, вряд ли что-то поймет. Все равно, как если бы я им за ужином стал читать «Девочку со спичками». Слушать будут, а примерить на себя судьбу девочки из сказки Андерсена не смогут. Хотя, казалось бы, что ж тут такого сложного?

Обратил внимание: девочки поедят, из-за стола встают и уходят, а посуду так и оставляют немойтой. Начинаешь им выговаривать:

– Девочки, так нельзя. Посуду, хотя бы за собой, нужно помыть.

Смотрю, а они не понимают, в чем причина моего недовольства.

– Дедушка, зачем ее мыть? Вся грязная посуда в конце дня собирается и загружается в посудомоечную машину. Утром ее берут и снова используют.

– А у нас нет посудомоечной машины, – отвечает бабушка. – У нас посудомоечная машина – это наш дед.

Еще характерное наблюдение. Перед Успенским постом венчал одну супружескую пару. Вместе они уже тридцать лет. Решили на свой юбилей совершить венчание. Приезжают они к нам в храм. Пока готовимся, наблюдаю такую картину: их внук, ровесник моих девочек,

со сдвоенной иконой-складнем в руках пытается маленькой отверткой выкрутить крошечные винтики, чтобы складень превратить в две отдельные иконы. Во время венчания положено мужа и жену благословлять каждого своей иконой. Но можно воспользоваться и складнем, это не принципиально. Наблюдаю за тем, как пыхтит этот мальчик, пытаюсь выкрутить винтики, подхожу к нему и спрашиваю: «Зачем ты это делаешь?»

Я в полном облачении, у меня на груди крест. Понятно, что я священник этого храма, а не человек со стороны. Ответ ребенка мне запомнился: «Это наша икона. Мы ее за свои деньги купили».

Хотим мы того или нет, но эти дети другие, они похожи на нас, но они уже другие. Время наложило на них отметину.

У нас по улицам поселка в течение всего лета, практически каждый день и каждую ночь на своих небольших спортивных мотоциклах носятся подростки лет пятнадцати, девочки и мальчики. Раздирающим ревом они, словно очередная египетская казнь, не давая спать ни маленьким, ни взрослым, сводят с ума население целого поселка в несколько тысяч человек.

Читаю в чате сообщества нашего поселка, как мама тревожно спящего ребенка угрожает проткнуть им колеса, разбить, разломать грохочущую технику. В комментариях вижу ответ: попробуйте только повредить наши мотоциклы. Мы знаем свои права, мы имеем право, заму-чаются платить. И в самом конце еще один комментарий от девушки-мотоциклистки: «Ваши дети – это ваши проблемы. Спят они или нет, мне безразлично от слова „совсем“. Лично я вообще не планирую заводить детей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.